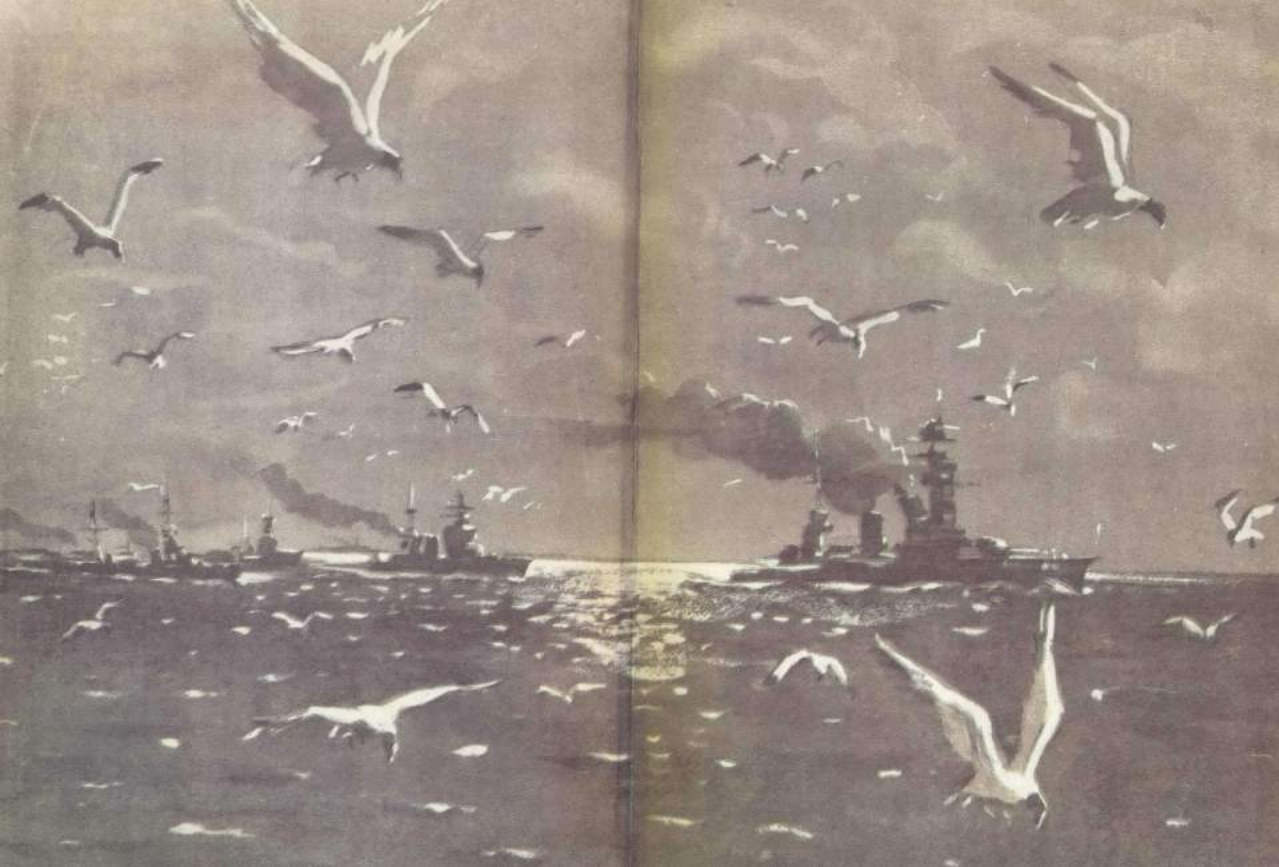

А. В. КАССИЛЬ

ДАЛЕКО В МОРЕ

ДЕТГИЗ 1948

ЛЕВ КАССИЛЬ

К 286

ДАЛЕКО В МОРЕ

РИСУНКИ С. БОИМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1948 Ленинград

12/3

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ ИНОГИ
ДЕТГИЗА

Длянъг-дилинь!.. Длинъ-длянг... Длянъг-дилинь!..
Бьют склянки. Солнце встало над морем. Час похода. Пора сниматься с якорей.

Гремят цепи. И дым повалил из труб, и флаги взлетели на мачты.

Уходят в море корабли. Ревут, ревут тягучие гудки.

Прощай, берег!

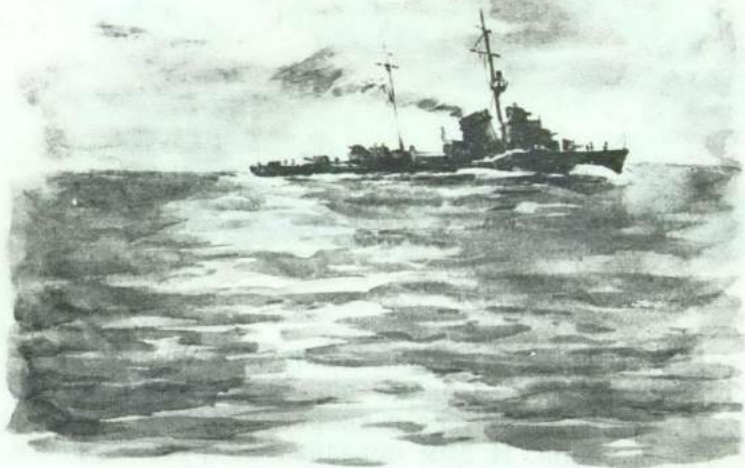
И чайки кричат: „Не скучай! Не скучай!..“

В поход, в далекий поход, друзья! В дальнее плавание!

Все по местам!

Мы — в море...

НА ФЛАГ—СМИРНО!

Далеко от своих берегов плывет в море наш военный корабль. В далекий учебный поход ушел он, в заграничное плавание. В дальних морях побывал корабль, пришел срок поворачивать домой. Давно уже не видели моряки родной земли. Вода кругом. Если где и завидится земля, то не наша, чужая. А до своего берега плыть еще много дней.

Каждое утро на корабле раздается команда:

— На флаг—смирно!

И все моряки поворачиваются спиной к морю, лицом к высокой мачте. Смирно стоят моряки. Тихо на корабле. Только волны плещут.

— Флаг поднять!—командует сверху офицер.

Взлетел на мачту свернутый флаг. Вдруг сразу распустился весь на ветру — серебристо-белый, с голубым широким краем внизу, а над голубым полем — алый серп с молотом и красная звезда. Военно-морской флаг нашей страны.

Матросы в строю не шелохнутся, глаз не сводят со своего флага. Офицеры все — руку к козырьку: честь флагу отдают.

Стоит наверху сам командир корабля. Старый боевой моряк. Смотрит на флаг и вспоминает, как был он еще молодым юнгой-учеником — тридцать лет назад, когда над нашей страной в первый раз поднялось красное знамя с крестьянским серпом, рабочим молотом и красноармейской звездой — знамя Ленина.

Много морей исходил с тех пор наш командир. Помнит он берега великого Тихого океана, откуда день начинается. Там люди первыми в нашей стране встают, раньше всех встречают солнышко. Там моряки и пограничники наше утро сторожат.

Помнит командир зеленое море Каспийское, где вода керосином пахнет. Потому что там горячая нефть из-под земли брызжет...

Плавал наш командир по теплому Черному морю, мимо высоких гор Кавказских. На вершинах вечно снег, а внизу деревья круглый год зелены. Охранял берега ласкового Крыма, где стоят в садах дворцы из белого камня. Прежде в них цари жили. А теперь в этих дворцах трудовой народ отдыхает. Наш флот народный покой сторожит.

Боевал командир в Балтийском море, защищал он там славный Ленинград, не подпускал врага с моря к городу Ленина.

Ходил командир наш и в северные моря. Водил свой корабль меж ледяных гор. Туда ходил, где полгода холодная ночь стоит и только звезды да бледное северное сияние отражаются в черной воде. Наши корабли там дозором ходят, полные берега сторожат.

Во всех морях побывал наш командир. И всегда на мачте его развевался флаг с серпом, молотом и красной звездой.

И стал командиру корабль родным домом.

Стоит поодаль от командира молодой старшина — кочегар. Голову закинул, глядит на флаг. Сынишку своего вспоминает. Как вел он его Первого мая в детский сад и купил малышу на улице красный флажок со звездочкой... Не скоро еще кочегар сынишку своего повидает! Плыть до него и плыть по морям много дней...

Стоят старые и молодые моряки, матросы и офицеры, смотрят все на флаг. И каждый молча вспоминает: кто Красную площадь в Москве, кто свой дом, кто ребят, кто завод, на котором работал до морской службы.

Так стоят моряки, пока не услышат команду: „Вольно!“ Тогда все расходятся по кораблю на свои места и каждый принимается за дело.

Дела на корабле много. И у моряков золотые

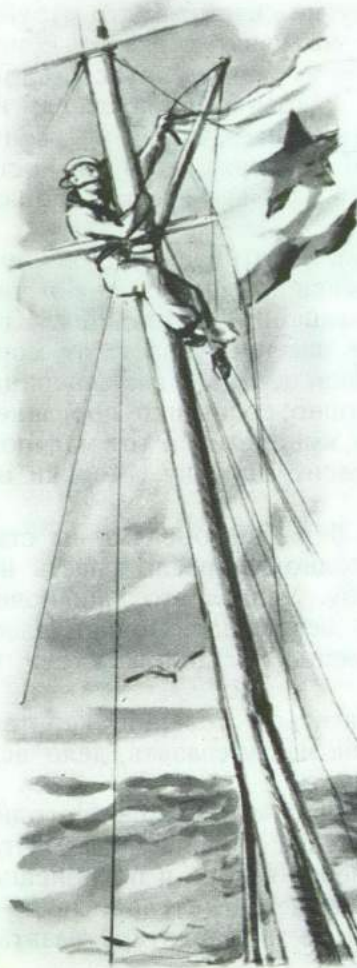
руки — скорые да спорые, с любой работой справляются. Крепят снасти на мачте — так натянут, что тронешь чуть, и загудят тугие снасти, будто струны на гитаре. Узлы морские на канатах вяжут: конец с концом, петля в петлю — и вмиг затянулся в ловких пальцах двойной узел накрепко. Никогда сам не развяжется. И кто секрета не знает, вовек не распутает. Хоть топором руби! А моряк этой хитрости обучен. Дернет раз — и нет узла на веревке, пропал, как пузырь на воде...

Идет на палубе работа. Плотничают, столярничают. Кто коврик из веревки плетет да ловко так узоры ведет, что и за пальцами не углядишь. Кто шкуркой и мазью медные части оттирает: от морской сырости стала медяшка зеленой, как ящерица. А потрет ее матрос — и словно солнышко проглянет под шкуркой. Этот палубу конопатит, а тот маляром стал — толстой кистью красит шлюпку. Моряки на все руки мастера!

Но однажды поднялась буря на море. Волны стали бросать корабль. И волной порвало снасть на мачте. Упал флаг на палубу. Увидел это наш кочегар, тот, что про сынишку вспоминал. Поднял флаг, побежал сейчас же к командиру. Доложил ему и просит:

— Разрешите еще обратиться, товарищ капитан второго ранга. Дозвольте на мачту слазить, дело все исправить.

— Нельзя сейчас, — говорит командир. — Погоди: стихнет ветер, тогда полезешь. Видишь, как мачта размахалась. Сорвешься сверху в море и погибнешь. Да и почему ты, кочегар, полезешь? Твое дело — внизу, в топке шуровать, а не на верхотуру лазать.

А кочегар все просит:

— Разрешите! Я мигом. Не сорвусь. А то некрасивое дело это — кораблю итти без нашего флага. Вон навстречу иностранец показался. Должен понимать, что советские плывут.

Взглянул командир на мачту. Качается высокая мачта из стороны в сторону.

Посмотрел командир на кочегара. Стоит перед ним высокий моряк, не качнется.

И разрешил командир. Велел ему только тросом к мачте привязаться. А матросам приказал на палубе под мачтой матрацы мягкие

расстелить — на случай, если сорвется кочегар и на палубу упадет: чтоб не разбился тогда...

Обвязался кочегар тросом, ленточки от бескозырки в зубы взял, чтобы с головы шапку не сорвало, воротник матросский за шиворот заправил. Поплевал на ладони. И полез на мачту.

На самую верхушку.

Выше пятиэтажного дома мачта. А ветер свистит. Волны корабль с боку на бок кладут. Раскачалась мачта над Атлантическим океаном: то будто над Европой ее верхушка, то над Америкой...

Вот-вот сорвется с нее человек в море.

А в море акулы. И все знают, что рыбы эти более селетки или щуки. Величиной акула с целую лодку! На блюдо акулу не положишь: она сама тобой позавтракает, если попадешься. Брюхо у нее белое, жирное, скользкое. А в пасти — зубов, как в хорошей бороне. Так и шныряют возле корабля акулы, не отстают, нагоняют. Ждут, что свалится к ним с мачты смельчак.

Но ничего не дождалось жадные рыбины! Удержался ловкий кочегар, исправил снасть. И снова над кораблем заиграл на ветру веселый и боевой советский флаг.

— Спасибо, — сказал командир и обнял молодого кочегара, когда он спустился на палубу.

— Служу Советскому Союзу! — отвечал кочегар.

А встречный иностранный корабль увидел на мачте нашего корабля советский военный флаг. И, как полагается при встрече с военным судном по морским законам, первый поклонился своим флагом. Наш корабль вежливо и гордо кивнул в ответ флагом с серпом, молотом и звездой.

А когда к вечеру солнце стало садиться в море,
снова скомандовали:

— На флаг — смирно!

Опять стихло все на корабле.

И как только последний золотой краешек солнца ушел в розовое море, на корабле дали команду:

— Флаг спустить!

Медленно пошел вниз флаг.

И снова все молча вспоминают родину, дом, ребят.

Флаг бережно сложили на ночь и прячут до утра. А на корабле зажглись ночные огни: сверху — белый, слева — красный, справа — зеленый.

Кончился день в море.

А до дому плыть еще много дней. Далеко до родины!

Но каждый день, утром и вечером, где бы ни плыл наш корабль, советские моряки молча славят свою родину в час, когда по кораблю разносится команда:

— На флаг — смирно!..

МОРСКАЯ АЗБУКА

— Сигнальщики, „покой“ убрать!..

Не зная покоя, носятся по команде на самом верхнем мостике сигнальщики. Расторопный народ! Дел у них хватает. То цветные флажки — сигналы — на мачту поднимать нужно, то сигнальным фонарем работать, то семафорить ручными флажками.

— „Люди“ убрать! Шар на средний! — командуют снизу.

Чуть замешкался, уж слышно с мостика:

— Вы что? „Люди“ сушить повесили? Была команда, кажется, „люди“ убрать!

Мигом убран, слетел вниз цветной флажок. И черный шар замер у середины мачты.

Хитрое это дело — морская азбука. У каждого флага свое название. Название — это буква. А буква — сигнал другим кораблям. „Люди“ — это значит буква „Л“. Поднят на мачте флаг „люди“ — „Л“, — значит, корабль поворачивает влево. А взлетел флажок „П“ — „покой“, — знают все: корабль пойдет сейчас направо. Шар черный вздернули до места под верхней реей — крестовинкой — на мачте, значит „стоп машина“, стал корабль. Шар на половину мачты поднят — значит, средним ходом корабль идет.

Подходит корабль к берегу, командует офицер:
— Сигнальщики! Запросите береговой пост разрешения на вход в гавань.

Отвечают через минуту сигнальщики:

— Береговой пост дал „добро“.

А „добро“ — это значит: согласны, мол. Можете войти, разрешается.

Всю морскую азбуку должен знать сигнальщик. Любой сигнал обязан составить и поднять в минуту. В бою адмирал со своего корабля всем другим команду дает сигналами-флажками. А ночью, когда не видно флажков, работают сигнальщики фонарем. Зажгут, зажгут, потушат. Потом опять поблестят несколько раз, погасят. Подождут. Снова посверкают, помигают, погасят... На других кораблях сигнальщики живо разберут, что им с нашего корабля пишут. И тоже в ответ замигают.

Днем можно еще в руки два флажка взять и сигналы подавать ими. Это называется „семафорить“. Вверх, вбок, вниз — вскидывает, отводит сигнальщик руки с флажками. А с берега или с другого корабля ему тоже флажками отмахивают. Так по морской азбуке разговаривают между собой корабли.

И на всяком корабле есть толстая книга. В ней все сигналы записаны, все флажки нарисованы. И рядом обозначено, какой сигнал что значит. Есть сигналы международные, одинаковые для всех языков. Разные могут быть корабли, и люди на них плывут всякие — русские, французы, англичане, нор-

вежцы. Говорят они каждый на своем языке. А у кораблей свой язык — общий, своя морская азбука.

„Что за корабль? Откуда идете?“ пишут с чужого берега.

„Чей корабль, куда идет?“ спрашивают встречные корабли под разными флагами.

И пишут им в ответ фонарем наши сигнальщики:

„Советский корабль. Военного флота. Идет в дальнее плавание“.

Сигналят с берегового поста, мигают с кораблей:

„Привет советским морякам... Счастливого плавания...“

А однажды ночью совсем рядом прошел встречный корабль. Запросили его прожектором, куда идет.

„Из Бразилии в Индию“, отвечает. И тоже спрашивает: откуда идет наш корабль, чей такой, куда путь держит?

Наши сигнальщики ответили.

Сразу начал встречный корабль опять что-то

мигать. Да вдруг погас на нем фонарь... Видно, не нашел там иностранный матрос нужного сигнала в корабельной книге или решил, что не всегда требуется морская азбука для разговора. Иногда хочется так сказать, своим голосом. А может быть, капитан там не дал дописать... Но только когда подошел встречный корабль совсем близко к нашему, оттуда, с борта, из темноты громко закричал кто-то по-своему:

— Сталин, салют!

Такие слова и в книге искать не надо. На всех языках человеческих и корабельных они понятны:

„Сталин, здравствуй!“

И ушли в темноту моря огни корабля.

Унес ветер привет неизвестного друга.

ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД!

Вода и огонь. Огонь и вода.

Плещет волна, бьет в борт. Пышет пламя, ревет в топке. День и ночь, ночь и день: взмах — вздох, вверх — вниз, качает рычаги машина-работяга. День и ночь, ночь и день, вчера и сегодня, сегодня и завтра.

Крутится тяжелый гребной вал, и под кормой буравит воду винт, гонит корабль по морю. На машинном телеграфе — стрелка у красной надписи: „Вперед полный!“

Полным ходом идет корабль. Так приказал командир. Командир на самом верху, на мостике, стоит. А в самом низу корабля стоят на вахте кочегары. Лопатами кидают уголь в топку. Наберет наш кочегар угля на лопату, откроет дверцу топки и туда, в самую пасть, лопату сует. словно обжору-великана с ложки кормит.

Кочегар — кормилец машины. Не насытит углем топку — потухнет огонь, остынет вода в котлах, ослабнет, замрет машина, корабль станет.

Вокруг корабля вода. А тут внизу — огонь. Жарко здесь! Кончит кочегар бросать уголь, закроет топку, отопьет из кружки холодной воды — и опять за лопату. Взмах — вздох, вверх — вниз. Летит уголь в топку, пышет пламя, кипит вода в котле. И море вокруг корабля кипит. Буря на море. Бросает корабль вверх, вниз. Расставил кочегар ноги пошире, уперся крепче. Тяжелая у него работа! Но стрелка на круге у машины показывает: „Полный вперед“. Так приказал командир. Значит, надо идти вперед полным ходом.

Хорошо стоит вахту наш молодой кочегар! Жаром его из топки обдает, пот с него катится градом, под ногами железный пол ходуном ходит, а кочегар знай уголь подает. Держит пар в котле „на марке“, как стрелка показывает.

Полный ход! Вперед полный!..

И вдруг засвистело что-то в топке, повалил пар и запрыгали, заметались стрелочки на приборах, по которым видно, как машина работает.

И пошел корабль уже не полным ходом, а средним.

А вот уже не средним ходом — малым идет.

И потом совсем стал винт под кормой, словно загустела вода, завяз он в ней и не провернется...

Кинулся кочегар к топке. Подбежали механики, машинисты. А сверху, с мостика, командир уже звонит, по телефону спрашивает:

— Доложить, в чем дело? Отчего машина стала?

А в машине приключилась большая беда. Лопнула в котле трубка. Ворвалась в топку вода, стала огонь тушить. Тут сколько угля ни бросай, делу не поможешь.

Собрались мигом механики, кочегары, машинисты, стали думать, решать: что делать, чем беде помочь? Как в горячем котле трубку починить? Пока котел остынет, пройдет целый день. В море корабль без ходу волнами разобьет.

Или чужой помощи просить, чтобы какой-нибудь другой корабль на буксир взял?

— Ну нет! — сказали моряки. — Не на барже мы служим, а на советском военном корабле. Совестно нам на буксир проситься.

И решил тогда молодой старшина-кочегар:

— А ну-ка, товарищи, ну-ка, браточки, дай-ка я попробую...

Надел он на себя ватную куртку, натянул толстые штаны, заправил их в высокие сапоги. Руки — в рукавицы, на голову — шапку-ушанку, в зубы — мокрый платок. Кричит:

— Замеряй температуру! Ставь градусник!

Открыли дверцу, замерили температуру в топке. А в топке жара 175 градусов!

— Порядок! — сказал кочегар. — С легким паром!

Зажмурил крепко-накрепко глаза и полез в горячую топку. Велел только двум матросам снаружи

из насоса его через дверцу холодной водой поливать. Воздух в топке — огонь. Все вокруг жаром пышет. Берегись! К чему ни притронешься — обожжет! Опалило кожу кочегару. Вот-вот волосы вспыхнут. Веки спеклись, ресницы горят, брови дымятся. А кочегар все дальше лезет в топку. Боевой парень, черноморский матрос. Всю войну на флоте плавал. Не раз в жарких делах был.

Поливают его из насосов товарищи. А он сосет мокрый платок и дышит через него.

Пробрался кочегар в самую топку, нашел руками, где трубка лопнула, да тут память от жары потерял.

Вытащили его товарищи, стали водой отливать. А в это время уже другой моряк в топку пробрался, стал там трубку исправлять. Поработал сколько мог — вытащили его. А тем временем наш кочегар отдышался и снова в топку кинулся.

Так и работали они целых четыре часа — то один, то другой. Вылезет из топки, отлежится, отдышится, попьет воды и идет в топку товарища сменять.

А через четыре часа зазвенел на мостике телефон, и снизу, из машины, сказали командиру:

— Разрешите доложить! Машина в исправности, можем идти полным ходом. Просим дать команду.

И скомандовал командир:

— Полный вперед!

Звякнул в машине телеграф, забегала на круге стрелка и стала у красной надписи: „Вперед полный“.

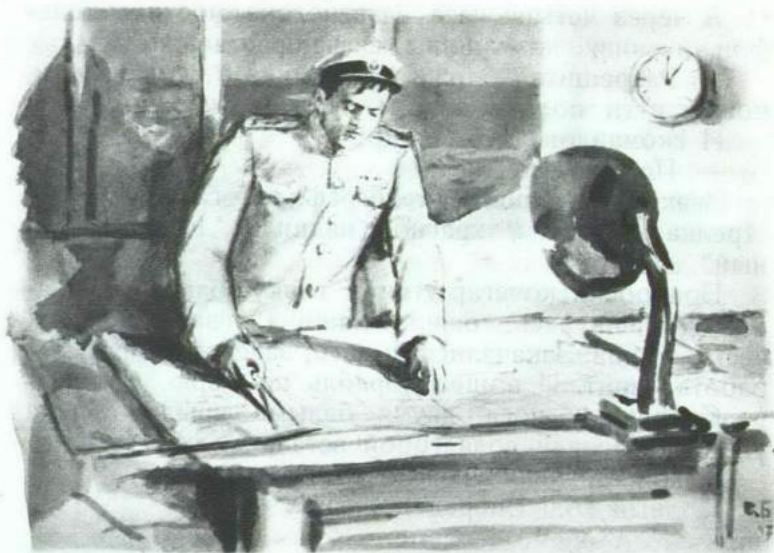
Подбросил кочегар угля в топку. Заревело пламя. И двинулась, ожила машина: взмах — вздох, вверх — вниз. Закачались рычаги, завертелся вал, заработал винт. И пошел корабль по морю.

Спереди у носа двумя белыми крылами пена ударила. Позади вода горой встала.

А кочегар знай уголь в топку подает.

Полный ход! Вперед полный!.

ТАК ДЕРЖАТЬ!

Поезд бежит по рельсам. Машинисту дорога видна: куда рельсы ведут, туда и паровоз вагоны потащит. Шофер ведет машину по улице. На углах названия написаны, на перекрестке стоит милиционер. Можно в крайнем случае спросить, куда тут ехать. По реке плывешь — берега видны. А в море и названий на поворотах нет и берегов не видно. И милиционеры среди моря не стоят.

Как тут дорогу узнать? Где лучше плыть? Куда сворачивать?

Уж это дело штурмана. Он рассчитывает путь кораблю и вместе с командиром выбирает самую лучшую морскую дорогу.

Стоит на командирском мостике молодой штурман. Волнуется. Плавает он уж не первый год. Во время войны он матросом был на военном корабле. А потом пошел учиться на штурмана. Вернулся он теперь на корабль штурманом и пошел в дальнее плавание. Сперва вместе с другими штурманами дорогу по карте чертил. А тут случилось, что заболел старший штурман. Решил командир корабля доверить все дело молодому штурману.

На воде, конечно, столбы с указками не поставишь. Названия на волнах не напишешь. Но на бумаге можно нарисовать, где какой берег находится, где какая глубина в море, какое течение. Откуда маяки будут видны. На мореходной карте все нарисовано и обозначено. Всякий островок поставлен.

Чтобы в море с пути не сбиться, дорогу корабля сперва на мореходной карте рисуют.

Но как же знать, где в море та сторона, куда нашему кораблю следует плыть?

Для этого есть на корабле компас с магнитной стрелкой. Куда бы корабль ни повернул, как бы компас ни крутили, а упрямая магнитная стрелка всегда будет показывать на север. А раз известно, где у тебя север, так, значит, можно и высчитать, куда кораблю путь надо держать.

А еще можно дорогу в море узнать по звездам и по солнцу. Есть у штурмана особый прибор — секстан. Поглядит штурман через стеклышко секстана на небо, заметит на инструменте место, где сейчас видно солнце, или какую-нибудь знакомую

звезду в небе. Запишет время по часам.

А потом по штурманским книгам справится, с какого места на море солнце может быть видно в такой час там, где на приборе отмечено. Значит, как раз в этом месте сейчас корабль плывет.

А на далеких морских берегах стоят могучие маяки. В них на высоких башнях медленно вертятся огромные лампы светом в миллион свечей. Ночью

такой огонь километров за сто в море видно. По этим маякам корабли тоже свою дорогу в море проверяют. Можно еще место корабля в море по радио точно узнать.

Все рассчитал молодой штурман, когда встал на вахту. Каждую звездочку в счет принял. Еще днем по солнцу место корабля в море проверил. Линейкой и циркулем всю карту измерил вдоль и поперек. Все высчитал, написал мелом на черной доске цифру, какую стрелка на компасе должна показывать, и приказал рулевому:

— Так держать!

— Есть так держать! — отвечает рулевой и поворачивает штурвальное колесо, которое управляет рулем корабля.

Стоит рулевой, смотрит на компас, следит за стрелкой, чтобы она точно ту цифру показывала,

что на доске штурман начертил. Корабль должен идти прямо по заданному курсу, чтобы в стороны не рыскал.

Идет по морю корабль. Вокруг темнота. Ночь. Стоит на мостике молодой штурман. В темноту смотрит. Давно бы уже должен был маяк открыться на острове, куда корабль идет. Островок маленький — легко потерять его в огромном океане, как горошинку на большом дворе. Но надо найти островок и привести туда корабль. Там корабль примет уголь для машины. Без угля плыть дальше нельзя. Без угля машина станет. А на корабле запас угля к концу подошел. Рассчитано было, что сегодня ночью придет корабль на остров.

Давно уж должен бы маяк на острове открыться. А все не видно его. Темно вокруг в море.

Прошел еще час. Не видно маяка.

Посмотрел рулевой на молодого штурмана. Вместе плавали они во время войны, рядом на одной палубе в боях стояли.

Говорит тихонько рулевой:

— Товарищ старший лейтенант, не видать что-то маяка. Ошибочки у нас не получится?

— Так держать!— говорит штурман.

— Есть так держать!

Наклонился молодой штурман над картой под настольной лампой. Снова всю карту линейкой и циркулем измерил. Каждую звездочку в счет принял на небе. Во все книги мореходные заглянул. Нет, все верно, все сходится, а маяка нет как нет...

Поднял штурман голову от карты, а за ним сам командир стоит. Тоже смотрит на карту.

— Какой курс?— спрашивает.

Доложил штурман курс. Помолчал командир. Потом приказал спросить у сигнальщиков на верхнем мостике, не видят ли они свет маяка. „Никак нет, — отвечают сигнальщики, — темно кругом. Нигде проблесков не замечается“.

А из машины механик поднялся. Докладывает, что уголь кончается. Последний в топку бросают.

„Неужели просчитался?— думает про себя молодой штурман. — Неужели я в море с пути сбился? А тут мины попадаются... И подводные камни. Чуть в сторону от дороги сбился, и корабль можно погубить“.

Так подумал про себя молодой штурман. Но поглядел на спокойного командира, на рулевого, кото-

рый держал штурвал в крепких руках. И твердо сказал:

— Так держать!

И седой командир, сидя у освещенной карты, кивнул ему:

— Так держать!

А когда стало рассветать, увидели сигнальщики вдалеке берег. Проверили по карте — тот самый остров, что надо. Правильно вывел корабль штурман. Почему же света маяка не видно было?

Сменилась вахта. Стал у штурвала другой рулевой. А молодой штурман все с мостика не уходит.

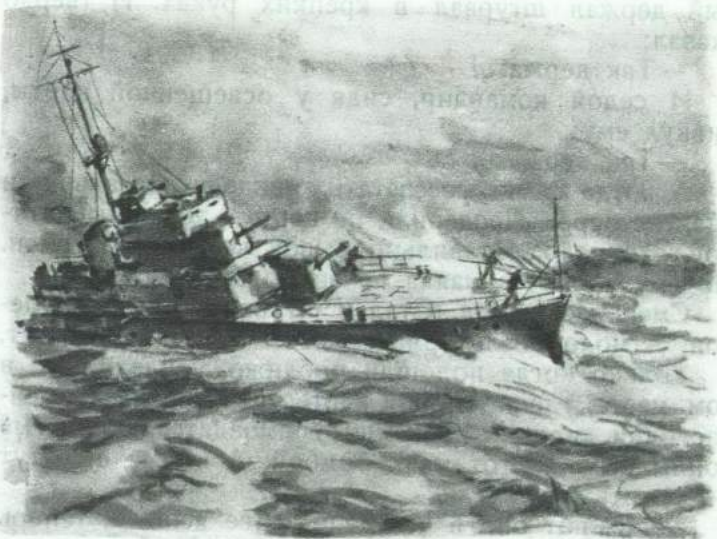
Только когда подошли поближе, увидели, что в том месте, где на старой карте маяк обозначен, сейчас одни кирпичи да камни громоздятся. Во время войны разбило тот маяк бомбой. А новый еще тут построить не успели.

— Ну, вот оно в чем дело... Все ясно. А теперь идите отдыхать, — сказал командир и обернулся к молодому штурману.

А тот молчит.

Поглядели на него. А он уже сидя спит. Головой к карте припал, и лбом как раз в то место, где невидимый маяк обозначен...

ВПЕРЕД-СМОТРЯЩИЕ

День и ночь стоят на самом носу корабля вперед-смотрящие. Двое их: один поглядывает налево, другой — направо. И оба смотрят вперед. Дело вперед-смотрящих — за морем следить. Глаз с него не спускать. Чуть где что появится, сейчас же докладывает старший по телефону на мостик командиру или вахтенному офицеру. Так, мол, и так, слева в таком-то направлении корабль, а справа маяк открылся.

На самом носу стоят вперед-смотрящие. Знают оба: впереди всех они на корабле идут. Море от-

крытое перед ними. А за спиной у них — весь корабль, люди, машины.

Острым носом своим корабль режет волну. Грудью своей широкой вперед-смотрящие встречают морской ветер — первыми из всех на корабле. Из-под носа корабля слева и справа две белые пушистые горы вываливаются. Вокруг корабля играют дельфины. Иной у самого борта выскочит из волны, выгнется колесом и нырнет под самый нос. За ним вдогонку — другой. А дальше — третий. Если сверху глядеть, похоже, будто корабль под собой по морю толстые колеса гонит. А то черепахи встретятся. Огромные. Плышет такое чудище, словно огромный таз опрокинутый. Или вдруг акула появится. Всё замечают вперед-смотрящие. У них такое правило: гляди под нос, смотри вперед, да и вокруг все примечай.

Но не дельфина, не акулу выискивают вперед-смотрящие. Следят они, чиста ли морская дорога, по которой идет наш корабль. Война не только на земле, но и на море след оставила. Лежат неглубоко под водой потопленные корабли. Торчат из моря мачты. Можно зацепиться о них, если во-время не заметишь. И попадают на пути мины — железные шары с тонкими рожками. Заденет корабль за такую мину хоть краешком — разом обло-

мится рожок, и грохнет взрыв, выломает борт, расколется корабль пополам. Пойдет корабль на дно со всеми людьми...

Когда расшумится, взлохматится море, покатит навстречу тяжелые валы, круто приходится тогда вперед-смотрящим. Встречный ветер их с ног валит, вода их заливает с головой. А нос корабля то на небо лезет, то — ух! — вниз, в морскую глубину, валится. Держись тогда крепче! Смоет волна, утащит в море — пропал человек. Стоят вперед-смотрящие, отфыркиваются, глаза протирают, глядят вперед, не сморгнув.

И вот пал однажды на море туман, ничего вокруг не видно. Зашел корабль в муть. Пошел тихим ходом, чтобы на встречное судно какое-нибудь в тумане не наткнуться.

— Ну, зашли в молоко, — говорит старший вперед-смотрящий младшему, — теперь гляди-поглядывай...

А в тумане что увидишь? Перед самым носом корабля словно стена из серой пакли поднялась. А назад оглянешься — живой души не видно. Весь корабль в тумане словно растаял. Только где-то позади время от времени гудок ревет протяжно, чтобы другие корабли в море дорогу давали.

И кажется вперед-смотрящим, что остались они одни-одинешеньки среди моря.

Но помнят оба моряка, что за спиной у них корабль, люди на нем плывут, свое дело делают и надеются на вперед-смотрящих, что ничего не прозевают они в тумане.

Перевесились вперед-смотрящие через борт, стараются сквозь муть море разглядеть. И в душе у

них мутно: туману наглотались. Бьют они безустали в колокол, чтобы слышно было в тумане другим кораблям.

Вдруг тот, что помоложе, поглазастее был, увидел: перед кораблем совсем близко плывет что-то, качается на волне. Не то усатое, не то рогатое...

Сразу кинулся старший звонить на мостик:

— Прямо по носу предмет! С виду мина!

В тот же миг зазвенел телеграф в машине:

— Стоп! Полный назад!

Заработала машина в обратную сторону. Но корабль сразу не остановишь на воде. Двигается он вперед. Хоть и тихо, а ползет. И уже под самым носом у него страшный шар-рогулька. Сейчас ударится о него корабль — и конец всему...

Некогда тут долго думать! Разбежался вперед-смотрящий и прыгнул с борта в море. Ушел в воду с головой, вынырнул и руками в железный шар уперся, между рожками. А корабль уже насаждает на моряка. Вот-вот наползет, подомнет под себя матроса и о мину стукнется. Уперся матрос в борт ногами, оттолкнулся что было сил и отплыл с миной чуть в сторонку.

— Человек за бортом! — крикнул второй впередсмотрящий и тоже бросился в море, на помощь товарищу.

Корабль тем временем уже совсем на месте стал. А потом задним ходом стал пятиться. Но мина качается, волна ее к кораблю подтаскивает.

У старшего кровь из головы идет. Ушибло его железным корпусом, когда на него корабль с ходу налез. Не справится матрос с миной. Слабеет он, захлебывается. Но тут подплыл второй, стал вместе с ним осторожно мину обводить за корму корабля. А с корабля уже лодку спустили, тихонько подгребли к мине, чтобы рогов ее не зацепить. Вытащили обоих моряков из воды, подняли их на борт.

Подошел к ним командир. Поблагодарил сперва от всей службы. А потом говорит: „А теперь уж от меня самого...“ И обнял обоих впередсмотрящих за мокрые плечи. Отошел в сторонку, фуражку снял. А лоб у самого мокрый весь. словно и сам командир в воде побывал.

Пошел корабль самым тихим ходом вперед. А

мина позади качается. Но оставлять ее в море нельзя. Может она бед натворить. Надо ее уничтожить. Отошел корабль немного подальше, так, что еле видно стало мину в тумане. Нацелились корабельные артиллеристы из орудия.

— По плавающей мине огонь!

Первый снаряд перелетел. Второй не долетел. А как выпалила пушка в третий раз, так ударил из моря огонь, поднялась с громом вода столбом выше мачт. Встало над морем огромное водяное пугало, обвисло, разлохматилось. Словно водопад рухнул с неба. И как будто от взрыва туман раздернулся. Проглянуло над кораблем ясное небо. Заголубело впереди чистое море. Пошел корабль вперед своей морской дорогой.

Пробили склянки. Сменилась вахта.

Стали на носу два других впередсмотрящих. Теперь пришел их час вперед глядеть.

ВСТРЕЧА В ОКЕАНЕ

Море... Небо...

Тихо вокруг. И пусто. В небе — ни облачка, в море — ни сориночки. Корабль словно в воздухе висит.

Час прошел. Второй.

Докладывает с носа вперед-смотрящий:

— Прямо по носу на горизонте дым!

Командир сразу за бинокль. Верно: дым. Должно быть, корабль какой-то идет. Не скоро он откроется. В ясную погоду за десятки километров все видно.

Прошел еще час. Стал теперь виден вдали корабль. Две мачты. Труба. Надстройки.

Идет, видно, навстречу.

А кругом море. Тишина.

Теперь уже сигнальщики с мостика кричат:

— Прямо по носу встречным курсом торговое судно!

Стали на корабле гадать. Что за судно? Какого государства? Чьей постройки?

— Американец ползет, — говорят одни.

— Нет, англичанка это, — спорят другие.

Прошло еще полчаса. Все виднее и виднее встречное судно. Вот уж и название можно прочесть по буквам. Стали разбирать — не по-английски как будто написано. И в конце названия буква стоит такая же, как в начале, только вверх ногами перевернутая.

Батюшки, да, никак, это мягкий знак?!

Так и есть. На носу встречного судна русскими буквами: „Рязань“. И идет судно под нашим, советским флагом.

— Братки, да я сам рязанский! — закричал один матрос. — Эй, кто еще у нас рязанский?

Обрадовались тут не только рязанские, но и казанские. И кто из Саратова был, или Калуги, или еще откуда-нибудь — и те все рады, что в чужом, далеком море нашу „Рязань“ увидели.

Вдруг выбежал из машины наверх наш кочегар.

— Что за Рязань такая?

— Да вот, — отвечают, — торговое судно идет. Наше, советское, под названием „Рязань“.

Кочегар кинулся к борту, стал вглядываться. А „Рязань“ ближе подошла, вежливенько три раза спустила флаг на корме, словно присела три раза, как морская вежливость требует. Видит потому что — советский военный корабль ей в море повстречался.

На нашем корабле свисток раздался. Сыграли „на захождение“. Как при встрече положено. Все стали „смирно“.

А как дали еще раз свисток, на команду „вольно“, опять кочегар к борту кинулся. Смотрит на „Рязань“, глаз не спускает. Бинобль у сигнальщика выпросил.

— Спросите, откуда идут?

„Откуда следуете?“ замахал сигнальщик флажками.

„Из Южной Америки, из страны Аргентины“, отвечают с „Рязани“.

— Из Южной Америки плывут, из Аргентины, — докладывает сигнальщик.

И тут наш кочегар к командиру подошел:

— Товарищ капитан второго ранга! Разрешите обратиться? Очень прошу. Если, конечно, можно, дайте команду, чтобы запросили, нет ли там, на „Рязани“, буфетчицы Дуси Жимаревой.

— Это кто такая Дуся?

— Да сестра. Тоже морячка у меня. У нас в роду все моряки. Мы же севастопольские. А она на теплоходе „Рязань“ буфетчицей работает. Мы с ней с первого года войны не виделись. Все в разных морях ходим.

Приказал командир сигнальщикам запросить насчет Дуси Жимаревой. Нет ли такой на „Рязани“? Замахали сигнальщики флажками.

И вдруг видят — подбежала там, на „Рязани“, к борту женщина. В руке что-то блестит, вроде медяшки. И она эту медяшку будто полотенцем обтирает.

А от нашего кочегара все отошли в сторону, чтобы не загоразивать: пусть виднее будет его с „Рязани“.

— Она, — говорит кочегар, — слово даю, она! Дуся! Вон чайник надраила, аж как солнце горит! Кто еще так медяшку начистит! С нашей Дусей по аккуратности никто и равняться не может. Разрешите, товарищ капитан второго ранга, голос подать?

Разрешил командир.

Закричал кочегар во все горло:

— Дуся-а-а!!!

А с „Рязани“ чуть-чуть слышно:

— Вася-а-а-а-а!!

И замелькало на „Рязани“ белое полотенце.

Потом разошлись корабли.

Но долго еще махала сестра с „Рязани“ полотенцем.

Да, нет-нет, и вспыхнет там медный чайник.

Но все меньше и меньше становилась „Рязань“.

А потом совсем скрылась. И дым пропал.

Опять никого кругом.

Море.

Вот и встретились!

ЧТО НА ОБЕД?

Борщ сварить — не такое уж хитрое дело. Были бы дрова, да плита, да мясо, да соль, да овощи. разные и приправа...

Да, не хитрое это дело, если плита у тебя в кухне на месте стоит. А вот если не кухня у тебя, а камбуз, как моряки называют, и не повар ты сухопутный, а корабельный кок ты по своему званию, так поди попробуй тут управься!

Плита не на месте стоит, а скачет, как в песне поется: „Ходи, изба, ходи, печь, хозяину негде лечь...“

Где уж тут лечь, тут и встать негде. Как начнет корабль с волны на волну перекидывать, словно горячую картошку с ладони на ладонь, достается тут работы коку. Посуда вся вверх тормашками. Кастрюли то скачут, то волчком ходят; тарелки, словно колеса, во все стороны катятся.

Варит кок борщ к обеду. А в борще тоже шторм разыгрался: такие волны ходят, того и гляди выплеснутся, да и ошпарят кока.

Кто в ванне купался, знает: два крана там. Из одного идет холодная вода, другой кран откроешь — кипяток брызнет. Вот и кок во время шторма в двух водах умоется, пока обеда не сготовит: из-за борта его холодной водой обдает, а с плиты борщом горячим шпарит. Только поднимет кок крышку котла, а оттуда борщ, как дикая кошка, кидается. А пробовать борщ надо. Не то пересолишь, пожалуй.

Вот уж тут гляди да поглядывай, да не зазевайся. А то сам в борщ угодишь, как сухопутный таракан. И себе аппетит отобьешь и другим вкус испортишь.

Нет, не простое это дело — хороший борщ сварить на море в свежую погоду. А команда при всякой погоде должна быть сыта. Обед надо подать точно, в свой час, как по уставу положено. Сверху уже кричат:

— Эй, в камбузе! Что сегодня на обед? Шуруй, кок! Действуй, браточек! Проголодались...

Пляшет кок у горячей плиты. Подскочит поближе, когда плита с кораблем от него откачнется. Живенько крышку поднимет, зачерпнет ложкой, попробует. А плита уж обратно валится. И борщ выскочить хочет, прямо на повара. Увернется кок, отпрыгнет, прихлопнет крышку.

— Эй, соли давай, соли мало! Сыпь, давай соли! Носятся помощники вокруг кока. Кипит работка. И борщ кипит. И море за бортом куролесит. Хлещут волны через борт. Плещет горячий борщ через край котла.

Изловчился опять кок, отхлебнул борща. Вот теперь по вкусу! Готово дело! Можно командиру пробу нести. Вытер кок фартуком красное лицо — оно у него как свекла в борще. Пошел к командиру. За коком — помощник. В руке — тарелки, накрыты салфетками. Все честь честью, как по уставу требуется. Только не упасть бы тут с посудой.

Поднялся кок с помощником на мостик. Кок opravил на себе фартук, руку — к колпаку.

— Товарищ капитан второго ранга, проба обеда готова. На первое — борщ флотский. На второе — рыба морская. Третье блюдо — компот будет из сушеных черноморских фруктов.

И подает чистую ложку.

Зачерпнул командир борща. Отведал. Взял вилочкой рыбу. Потом компот попробовал. Для этого ему особую ложечку подали. Похвалил командир работу.

— Можете раздавать обед команде.

Засвистали боцманы. Сигнал на обед.

Сели моряки обедать. Гремят ложками. Едят борщ да похваливают:

— Ну борщ — спасибо! Ай как у нас, золото!

— Глотай, глотай на здоровье! Подставляй, еще порцию дам, бери — не жалко! Только лишним не давайсь. А то я нашим добром неизвестных рыб в чужом море кормить не нанимался.

Едят моряки борщ, кока похваливают. Спрашивают его:

— Что же ты сам-то не ешь, отвернулся?

— Я после, — отвечает. — Вас покормлю, а потом уж сам... как немножко воздуха дыхну. А то я на борщ и глядеть не могу... Угорел я, братцы.

БОЕВАЯ ТРЕВОГА.

Среди белого дня посреди синего моря ударили вдруг на корабле колокола громкого боя. Звенят, трещат, заливаются...

Сразу всё встрепелулось. Тревога! Боевая тревога!

Все по местам! Каждый на корабле свое местечко знает заранее, по боевому расписанию. Каждый на свое место должен встать в ту же минуту, как только тревога объявлена.

По крутым трапам-лестницам матросы взлетают, как флаги на мачту. По пять ступенек в один мах. А кому с мостика вниз надо по расписанию, тем ступеньки считать некогда: руки на поручни, колен-

ки вверх и — вжик! вжик! вжик! — один за другим съезжают мигом вниз.

А командир кричит сверху:

— Веселей ходи у меня! Кто там прохлаждается? По трапу не гуляют! Живо давай!

Трудна морская служба, большая нужна моряку выучка.

— Люки закрыть, задраить иллюминаторы на боевые заслонки, орудия к бою!

— Есть люки, иллюминаторы закрыть!.. Есть орудия к бою!..

Все мигом сделано, как приказал командир. С орудий чехлы сняты. Поданы снаряды для первого выстрела. Наводчики изготовились. Доктор белый халат надел, бинты развернул. Люки закрыты. Корабль к бою готов.

Не видно людей на палубе. Тихо на корабле.

Только внизу часто машина стучит. И сердце у каждого машину обгоняет.

Вдруг новое дело. Кричит сигнальщик с мостика:

— Самолеты противника с правого борта, идут на нас!

Завыл сигнал воздушной тревоги. Кинулся к зенитке кок-повар, на ходу халат сбросил. Ему по боевому расписанию во время тревоги не у плиты на камбузе место, а у зенитки. В бою каждому дело найдется. Нацелились зенитчики в небо. Ждут команды. А с мостика новая команда:

— Водяная тревога! Заводи пластырь под нос!

Это значит: в борту корабля у носа пробоина. Вода внутри вливается.

Стали заводить тяжелый брезентовый пластырь под самое днище корабля, чтобы дыру закрыть.

А тут еще беда:

— Пожарная тревога!
Огонь в третьем трюме!
Надеть противогазы!
Дать воду!

— Есть дать воду!

С пожарными стволами в руках кинулись матросы в трюм, тащат длинные шланги-кишки. Вздудись от воды шланги, бьются, прыгают по палубе, как змеи.

Что же случилось?
Неужели война опять?

Но не видно нигде вражеских кораблей. И самолетов в небе нет. И цел борт у корабля. И нигде не горит. Спо-

койно море. Чисто на горизонте.

Почему же пушки наготове, и пластырь под килем у корабля, и вода пущена в шланги?

Стоят все люди на корабле, готовы к бою, каждый на своем боевом посту. Стоят артиллеристы у орудий. Из этих пушек они, когда война была, не раз по врагу палили. На хоботах орудий пометки есть о тех боевых днях. Где корабль нарисован, где танки, а там, глядишь, подводная лодка. Чтобы видели все и помнили, сколько каждая пушка корабля за войну врагам бед натворила. Стоят артиллеристы, припали к орудиям зенитчики. Уже дана команда: „Товсь!“ (Это значит: „Готовься!“)

Сейчас скомандуют: „Залп!“ И ударит корабль из всех своих пушек. Начнется бой.

Нет, боя не будет. Спокойно море, чисто на горизонте, день сегодня мирный. Но захотел командир проверить, хорошо ли моряки службу знают, не забыли ли они военную науку. И объявили поэтому на корабле учебную тревогу.

Всё проверил командир, заметил по часам, сколько у кого времени ушло, чтобы на место встать.

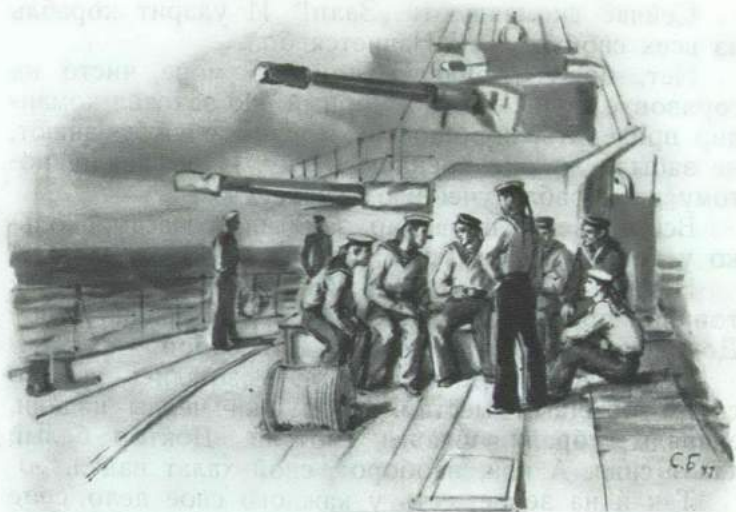
Нет, не забыли моряки, как они врага били, как топили корабли неприятеля. Помнят моряки науку. Доволен командир. Приказал дать отбой.

Кончилась учебная тревога. Разошлись все по своим обычным местам. На пушки чехлы надели, снаряды убрали, шланги сматывали. Доктор белый халат снял. А кок, наоборот, свой халат надел.

Так и на земле: есть у каждого свое дело, свое занятие. Но если вздумает враг какой-нибудь напасть на нас, если пробьет час боевой тревоги, всякий знает, что орудия у нас в порядке, каждый помнит свое место в бою.

Пусть только кто сунется!..

РАЗГОВОР НА ПОЛУБАКЕ

Вечером в тихую погоду собираются моряки на носу корабля, на полубаке. Хорошо здесь! Ветерок встречный обдувает. Над головой заморские звезды. А где-то на горизонте, нет-нет, да и пробежит по краю темного моря летучий луч далекого маяка. Вскинется на миг, смахнет звезду с неба, пропадет... А звезда на том же месте снова загорится...

Тепло. Тихо. И машины не слышно. Весь шум позади остается.

Полубак — любимое место моряков, вроде матросского клуба. Соберутся здесь вечером моряки, сядут в круг на брезенте. Один на баяне играет ти-

хонечко, другой подпевает. Разговоры пойдут. Кто правду рассказывает, разные случаи из морской жизни. А кто и соврет для смеха. Поймают его на слове. „Брось травить“, скажут. А уж если кто-нибудь лишнее наплетет, тут ему кричат: „Полундра на полубаке!“ А „полундра“ кричат на корабле, когда сверху падает что-нибудь.

— Что упало?

— С неба галушка упала, кто наврал, тому в рот попала — смотри не подавись...

Никто не обижается. Моряки любят слушать всякие удивительные рассказы. Так и сыплются шутки-прибаутки да небылицы.

Сперва принялся кок-повар рассказывать:

— Мы вот в теплых морях плывем. А на севере мне доводилось ходить, так там, браточки, целые ледяные горы плавают. До того там лютый мороз, что как волну вскинет да прихватит морозом, так она в один момент горой и застывает.

Смеются моряки:

— Ай да кок, вот уж действительно сморозил! Целую ледяную гору...

А веселый корабельный радист говорит:

— Нет, кок насчет ледяных гор, конечно, приврал. Ледяные горы, как науке известно, — это ледники. Они с высоких гор сползают в море, у берега отламываются и плывут себе... А вот я вам скажу уже не насчет холода, а, наоборот, о жаре. Ходил я раз в жаркие моря. Вот там жара, так жара! Море на солнце так нагреется, аж кипит. Там кокам на корабле и делать нечего. Никакой работы от них не требуется.

— Почему так? — спрашивает кок.

— А очень просто, — отвечает радист: — рыба в море вся наверх всплывает уже соленая и вареная. А рыбы там много. Значит, бери миску да черпай из моря готовую уху сколько хочешь. И ешь на здоровье. Вот бы тебе где плавать, кок!

Хохочут моряки:

— Ай радист, ну и травит! Хорошо хоть по радио тебя сейчас не слышать. А то уши завяли бы у людей.

Тут закричал один матрос:

— Полундра!.. Дух идет.

А духами на кораблях кочегаров дразнят. Потому что когда они с вахты идут, из котельной, так лица у них черные от угля, как у нечистого духа в сказке.

Подошел наш кочегар.

— Духу привет! — кричат ему.

— Вечер добрый! Какие сегодня новости на полубаке?

Отвечают ему разом и складно:

— На полубаке бегали собаки. Появились духи, околели со скуки мухи...

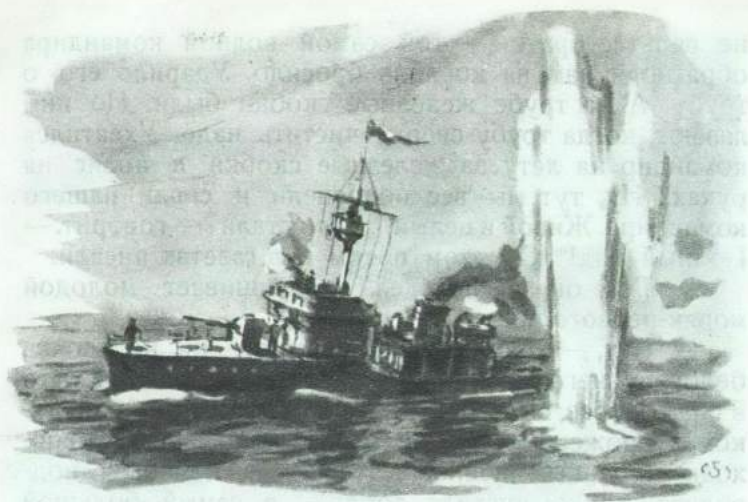
— Хватит вам травить, — говорит наш кочегар.

— А ты расскажи что-нибудь с интересом, — просят его.

— Да рассказать-то есть что... Только я ведь травить не мастер. Если хотите, расскажу вам, что вправду было, что на море случается... Пусть молодые наши матросы, кто по первому году служит, это дело послушают. Расскажу вам быль...

Молодые матросы стали кочегара просить, чтобы рассказал быль-правду. Поднял тот голову, поглядел на звезды. Тихо стало на полубаке. Закурил кочегар, сел на брезент.

— Ну ладно, — говорит, — расскажу я вам быль

про нашего командира. Вот кто знает, отчего у него голова вся белая?

— Старый, наверное?

— Какой же он старый! Он еще не старый. Лет сорок ему всего. А седой весь. Я еще его чернявым знал. И на моих глазах он белым сделался. Командир у нас, ребята, герой! Моряк из настоящих. Много мы с ним поплавали, в разные дела попадали. И вот было раз такое... Шли мы выполнять одно боевое задание. А на нас налетели немцы, стали с воздуха бомбить. Командир стоял на мостике. Вдруг тяжелая бомба как ахнет у самого борта! Волна поднялась выше мостика, подхватила нашего командира и смыла его в море. Никто у нас и пошевелиться не успел. Только „стоп машину“ дали, как засвистела сверху вторая бомба-фугаска. Грохнула в море, вскинула на нас волну. И вот — верьте

не верьте, братки, — той самой волной командира обратно к нам на корабль бросило. Ударило его о трубу. А на трубе железные скобки были. По ним лазают, когда трубу сверху чистить надо. Ухватился командир на лету за железные скобки и повис на руках. Ну, тут мы все подросли и сняли нашего командира. Живой и целый. „Чего стали? — говорит. — Полный ход!“ Об этом потом и в газетах писали.

— Тут он и поседел? — спрашивает молодой моряк-первогодник.

— Нет, — говорит наш кочегар, — ни волосочка белого у него после того случая я не заметил. Это в другой раз вышло. Охраняли мы тогда на маленьком сторожевом корабле большие океанские пароходы с ценным военным грузом. А немецкая подводная лодка пустила торпеду в самый большой пароход. Место узкое, между скалами. Видим, не увернуться пароходу. Взорвется он сейчас. А на нем груз — тысячи снарядов. От него взлетят на воздух и другие пароходы. И решил тогда наш командир прикрыть своим маленьким сторожевым кораблем тот большой корабль. Сам кинулся к штурвалу, плечом рулевого в сторону — „Полный вперед!“ — и пошел наш маленький корабль-сторожевичок наперерез торпед. А командир нам кричит: „Кончай шуровать! Надеть всем спасательные пояса! Конеч! Закуривай, кто успеет!“

Надели мы свои спасательные пояса, и в этот миг ударила торпеда в наш борт. Расколола наш корабль. А командира взрывом далеко в море бросило. Видим, плывет он, весь в крови. Его волной накрывает. А он нам кричит: „Держись, браточки! Я к вам иду!“ С другого корабля шлюпку спустили,

вытащили командира. А он всех спасителей растолкал и обратно в море... К нам плывет. С нами быть хочет. Для него хоть одна щепочка от корабля наплаву осталась, а все-таки это щепочка своя, советская, раз она под нашим боевым флагом на воде держится. Ну, тут наши обломки на дно пошли. Подоспели к нам шлюпки. Вытащили нас, спасли командира. Сделали ему перевязку. Доктора к нему со всякими лекарствами. А он все микстуры вон, давай ему чернила! Дали. Написал он телеграмму адмиралу. Так, мол, и так. Стоял не на месте во время боя: надо бы отойти от борта, а я там для храбрости красовался. И меня взрывом выбросило с корабля раньше времени. Так что я не мог оставаться на командирском посту до полной гибели моего корабля. Прошу вас за эту ошибку по службе наказать меня". И не спал, не ел, не пил ничего до утра, золотой человек! За ту ночь и поседел.

— Чего же он так горевал? — спрашивает молодой матрос.

— Тревожился, что подумают, будто он нарочно заранее с корабля прыгнул, взрыва испугался. А такие командиры, как наш, в бою с корабля не сходят. Честь морскую берегут пуще жизни. До конца стоит! Либо самым последним сойдет, либо погибает с кораблем вместе... Ну, потом пришла телеграмма наутро от адмирала...

— Какая?

— „Благодарю за службу. Честь и слава отважному советскому моряку“. Вот какой у нас командир!

Помолчали моряки. Слышно было только, как бурун у носа шуршит. А потом молодой матрос спросил у кочегара:

— А верно говорят — у вас на груди звезда на теле обозначена?

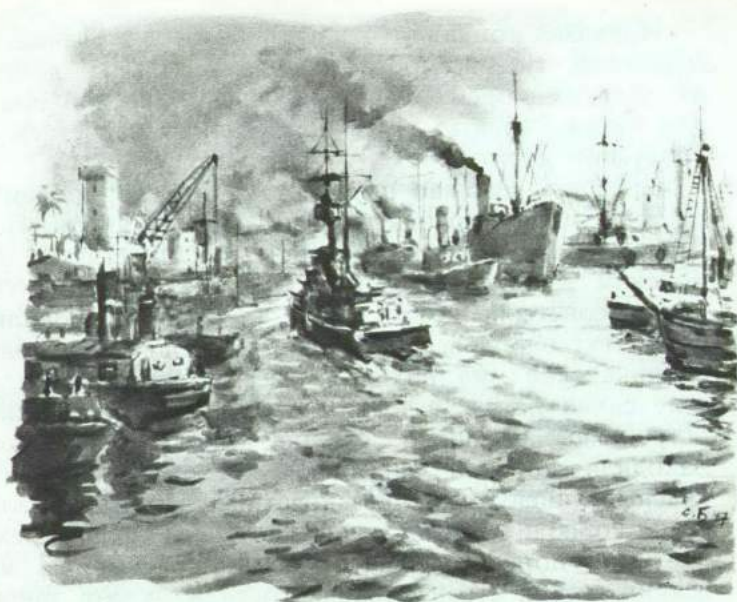
Нахмурился кочегар. Потрогал полосатую тельняшку у себя на груди.

— Неохота про это, браток, рассказывать. Скажу только так. Вот некоторые моряки любят у себя на теле кислотой да иголкой якоря рисовать, сердечки да всякие там веры, надежды, любви. Глупое это дело, хоть и морская привычка. А у меня ведь совсем другое вышло... Долго это рассказывать! Словом, попал я, раненный, в лапы фашистам. Пытали меня там, чтобы я сказал, где наша морская пехота стояла. Я, конечно, промолчал. Вот они мне тогда бритвой на груди пятиконечную звезду из кожи вырезали... М-да... Потерял тут я память. А ночью мы вдвоем с одним моим дружкой часового свалили и уползли к своим. Только товарища у меня пуля догнала немецкая. А я живой добрался. Э-э, браточек, мало ли что было! Всего и не вспомнишь. Товарищей только жалко... Ну-ка, споем, что ли...

И полетела в теплую ночь, к чужим заморским звездам, к далеким маякам наша матросская песня:

В родных черноморских глубинах,
Еще не остыв от огня,
Лежат на песчаной равнине
Отважные три корабля...

МОРЯКИ СТАЛИНА

Долго плыл по далеким морям наш корабль. День плыл, два плыл, неделю, другую, а как стала кончаться пятая неделя, закричали утром с мостика сигнальщики: „Прямо по носу — берег!“

И через три часа вошел наш корабль в чужой, иностранный порт. Красивый город. Пальмы в синюю воду глядятся. Замигал на берегу с горы огонек прожектора по морской азбуке. Сигнальщики сразу разобрали и доложили командиру: спрашивают, мол, с берега, что за корабль, откуда плывет.

Приказал командир ответить на берег: „Корабль советский, Военно-морского флота. Плывет домой из далеких морей. Хочет на берегу пресной воды для питья набрать, углем для машины запастись и продуктов купить“.

С берега вежливо отвечают: „Милости просим“.

Вошел наш корабль в гавань, бросил якорь. Перенесли флаг с мачты на корму, как полагается по морским законам на стоянке. А в эту заграничную гавань советские корабли еще никогда не заходили. Видал тут народ всякие флаги. Приходили корабли американские — на них флаг весь полосатый, а в углу синяя латка, и на ней тесно, рядами мелкие остренькие звездочки, словно дырочки на терке. Заходили корабли английские — у этих на флаге красные линейки сошлись крест-накрест. Заплывали сюда корабли французские — на мачте флаг трехцветный, поперек синий, белый, красный. И из всяких других стран корабли гостили. А вот такой флаг на корабле, с красной звездой да с серпом и молотом, в первый раз тут увидели. И сразу узнал народ на берегу: „Да ведь это же советский корабль к нам в гости пришел! Где еще, в какой стране на флаге рабочий молот, крестьянский серп да боевая алая солдатская звезда могут быть!“

И скоро в городе узнали, что в порту стоит советский корабль, что пришли в гости моряки Советской страны. Повалил народ на берег. Поплыли со всех сторон к советскому кораблю разноцветные лодочки. На них — люди загорелые. Окружили советский корабль, кричат нашим морякам: „Русс, русс!.. Москва!.. Сталин!..“ А других слов по-нашему не знают. Зато эти слова всем понятны. Всему миру известны.

Стали наших моряков на берег к себе приглашать. Кто уже угощение на стол ставит, кто цветы тащит. Кто аппарат ладит — хочет советских моряков себе на память снять, чтоб карточка осталась. И кругом кричат: „Русс!.. Москва!.. Сталин!..“

Сошел командир советского корабля на берег, а за ним сошли офицеры и матросы. Захлопал народ в ладоши, стал шапки вверх бросать, а потом побежали за переводчиком, который говорил по-русски. Пришел их переводчик, стал переводить.

— Советские моряки — самые храбрые на свете, — говорят на своем языке люди на берегу. — Здравствуйте, моряки Сталина, хорошие люди!

Переводчик все это в точности пересказал по-русски, чтобы нашим было понятно.

А один курчавый мальчишка, босой, в рваных штанах, пролез у всех под локтями вперед и стал просить переводчика:

— Скажи русскому командиру, чтобы он меня юнгой к себе взял. Я хочу с ним всю жизнь плавать. Я хочу тоже стать моряком Сталина. Скажи, я умею плавать и на спине, и на боку, и по-всякому.

А переводчик это переводить не стал. Тогда советский командир его спрашивает:

— О чем это мальчонка толкует?

Переводчик смутился.

— Да так, — говорит, — глупости всякие. Просит, чтобы вы его с собой взяли.

— Ну, взять мы его с собой не имеем права, — говорит советский командир, — а корабль показать ему можем, раз ему так нравится, и угостим паренька. Пусть наш краснофлотский хлеб попробует.

Взял командир мальчонку за руку, повел его к себе на корабль, посадил на диван в офицерской столовой, угостил сладкой булкой.

А кругом народ на берегу говорит:

— Хорошие эти люди, моряки Сталина, храбрые люди! В бою злые, а в жизни добрые. Смотрите, как возьмется с каким-то мальчишкой!

Тут с берега один богатый иностраный торговец приехал. Товар хотел нашим продать. Увидал он, что на белом командирском диване сидит чумазый мальчишка.

— Брысь отсюда! Грязный, всчючий щенок!

И замахнулся на мальчишку.

Но командир крепко сжал ему руку.

— Стоп, господин! Отставить! Вы на советском корабле. У нас тут свои порядки, а не ваши. У нас детей бить не позволено. Съезжайте-ка на берег живо, со всем вашим добром! Не нужно нам такого товара! А ты, мальчуган, сиди. У нас тебя никто пальцем не тронет.

Долго угощали мальчишку на советском корабле. А потом командир опять сошел на берег и поехал по всяким делам. Отвели на берег и мальчишку. Стали грузить уголь на корабль, продукты, брать пресную воду. Работы было много, до самой ночи.

Наутро командир простился со всеми на берегу, поднялся на корабль и приказал сниматься с якоря. Вот уже подняли якорь на место и заработала малым ходом машина, как вдруг вылез снизу кочегар.

Смотрят все: ведет он за руку вчерашнего мальчонку. Мальчишка весь в угле вымазался, как вороненок. Только глаза да зубы блестят.

— Разрешите доложить, — говорит командиру кочегар. — Вот обнаружил в угле. С ночи зарылся, с грузчиками туда пробрался. Хотел с нами в море уйти.

А мальчишка только носом шмыгает, да по щеке у него слеза катится, вся от угля черная, как дробинка.

Пришлось машину останавливать, шлюпку с берега вызывать, чтобы мальчишку домой отправить, к отцу, к матери. Переводчика тут уже не оказалось. Командир мальчишку утешил как мог, шоколад ему подарил, красную звездочку и картинку — на ней Москва нарисована. Это все мальчишка и без переводчика понял. „Русс, — говорит, — Москва... Сталин...“

И пока не скрылся советский корабль в море, все стоял на берегу курчавый мальчишка и показывал народу картинку, которую подарил ему советский командир. И долго не расходился народ, глядя в море, куда ушли моряки Сталина.

ПИСЬМО С ИНОСТРАННОЙ МАРКОЙ

Когда корабль стоял в заграничной гавани, наш кочегар послал сынишке такое письмо:

„Добрый день, дорогой сынок! Как ты поживаешь? Очень по тебе соскучился. Пишу это письмо из одного иностранного порта, где стоит сейчас наш гвардейский корабль. Это очень далеко от тебя с мамой, за тридевять земель, за семью морями, на самом океане, в дальней стране.

Доплыли мы сюда благополучно. Конечно, были и штормы. Но народ у нас все боевой, гвардейцы. Нас огонь не брал, тем более вода не испугает.

Сейчас погода ровная стоит. Но жарко чересчур. Море тут и вся местность очень интересная. И все

не так, как у нас. Когда у нас день, тут ночь. Когда у нас вечер, тут утречко. Многие девчонки тут в брюках ходят. А зато в одной стране я солдат видал в юбках. А полицейские здесь в трусиках, в очках и с зонтиком. Собаки тут у богатых хозяев очень балованные, такие важные собаки, что не их на поводке ведут, а они своих хозяев прогуливают. Богатые собаки на мягких подушках спят и катаются на машинах. А бедняки на голой земле валяются и живут в таких конурах, что у нас добрый хозяин и собаку свою не поселит.

Афиши и вывески тут сами по улицам мимо людей ходят. Наймут хозяева бедного человека, у которого работы нет, навесят на него тяжелые афиши. И ходит он весь день по улицам. Тут люди работы днем с огнем найти не могут. Ходят голодные, жить им не на что, нигде ничего не зарабатывают. Были мы еще в одном музее. Там большие куклы стоят, сделанные из воска. Цари разные, министры, короли и всякие принцы. Сделаны совсем как живые люди. Зато люди тут такие встречаются, словно куклы разряженные, и настолько сами важные, что и пальцем не пошевелят, головы не повернут. Не разберешь с первого раза: живой это человек или кукла восковая.

Тут и рыбы есть такие, что по воздуху летают. Одна к нам на корабль залетела. Я ее поймал, а механик на карточку снял. Посылаю тебе карточку с рыбой. А рыбу я засушил и привезу тебе в сухом виде. Есть у меня еще один гостинец для тебя. Лодочка. С настоящим парусом. По ветру итти может. И против ветра плыть способна. Мне эту лодочку подарил один здешний рыбак. Он очень уважает

советский народ, в особенности моряков. Узнал, что есть у меня сынок дома, и принес тебе подарок. Нашу страну везде уважают. Даже слово „пионер“ понимают. Только я говорю: „Сын у меня еще не пионер, маловат для этого. Он у меня октябренок“. Тоже понял. Потому что наш месяц октябрь по-ихнему тоже похоже: октобр. Они про наш Октябрь тоже все знают. И тебе с мамой привет велели передать.

Ну, будь здоров, сынок, не озорничай там, мать слушайся и меня не забывай. Посылаю тебе разные марки из тех стран, где мы стояли на якоре. Скоро увидимся, тогда я расскажу все про те далекие края. А я там был, по морю-океану плыл, ветром меня задувало, водой меня заливало, по усам текло, а в рот не попало. И хорошо: а то вода в море соленая...”

ПОД СТРАЖЕЙ

Почему тут стал часовой с винтовкой? Для чего здесь решетка на двери и висит тяжелый замок?

Проходи мимо! Тут стоять не положено. Не спрашивай. Строг часовой. Не ответит. Да и рассказывать ему не хочется. Не великий он клад сторожит. Сидит там под замком плохой матрос, лентяй и грубиян. Оказался один такой.

Попал он на корабль недавно. На войне не был. И на корабле ничему учиться не захотел. „Мне бы, — говорит, — скорее отслужить да домой. Чересчур я скучаю...“

Его еще до похода хотели на берег списать как негодного. Да старшина-кочегар заступился: „Может, еще исправится. Парень молодой. Душа у него на берег просится. Это с ним пройдет: морская наша служба кого хочешь выучит“.

Согласился командир. „Ну, добро, — говорит, — попробуем. Это бывает, что человек сперва в море скучает с непривычки... Пусть поплавает, оморячится. Может быть, сделаем из лодыря человека. Только смотреть за ним надо в оба. Кто за него ответит, если натворит что-нибудь в походе?“

„Я присмотрю, — говорит наш кочегар. — Я и отвечу. С меня спрос“.

И взял кочегар наш этого парня к себе в помощники. Только помощи от него кочегару мало было. Парень здоровый, а все жалуется: то у него в спину стреляет, то поясницу ломит, то голова кружится, то под ложечкой жмет, то ногу свихнул, то руку зашиб, то в животе скучно, то подмышкой волдырь вскочить хочет. Как работать: „Не могу, — говорит, — укачался“. Морская болезнь на него нападает. А как на обед боцман засвистит, так он первый тут как тут. Да еще добавку у кока выпросит. „Меня, — говорит, — море изморило. Мне для поправки особое питание требуется“.

Совсем замучился с ним кочегар. И так и этак пробовал его выучить: и добром уговаривал и наказывал — ставил на лишние дневальства, сверх очереди уголь из бункера в машину перегружать. Ничего не помогает. Скучает человек по берегу, и все ему на корабле как чужое.

Товарищи кочегара посмеиваются: „Связался ты с лодырем на свою голову!“

„Ничего, — отвечает, — поплаваем еще, увидим“.

Иной раз выйдут они вдвоем на палубу после вахты. Кочегар наш ему про далекий берег рассказывать начинает: какие тут люди живут, что за города с корабля видно. А тот послушает, послушает, да и зевнет так, словно все море хочет разом захлебнуть.

— Э-эх, пойду-ка я спать. Сморился я сегодня.

— Неужели тебе неинтересно? Когда ты еще в эти края попадешь, здешние места увидишь!

— Во сне и не то еще увидеть можно...

И уходит спать к себе в кубрик.

А когда стояли в одном заграничном порту, приключилось совсем уж нехорошее дело. Объявили на корабле угольный аврал. Все обязаны уголь грузить. Когда аврал на корабле, тут уж никому отдыхать не полагается. Кто бы ты ни был — матрос или кок, минер или электрик, — а раз аврал — значит, должен работать со всеми. Уголь грузить — работа тяжелая. От жары шум в ушах, в глазах темнота, словно все кругом черным углем засыпало. Но все работают, как служба требует. Только лодырь наш ходит себе с прохладцей, работает со скукой, кое-как. А в тот час на корабле грузчики с берега работали. Стыдно стало за лодыря нашим матросам. Подошел кочегар, сделал лентяю строгий выговор. А тот ответил ему грубым словом, да еще замахнулся. А кочегар ничего не сказал, только лицо у него, хотя и в угле все было, белым сделалось. А у других матросов лица красные стали.

Дежурный офицер все это видел. Велел грубияну сейчас же к командиру явиться. И сам офицер командиру обо всем доложил. Приказал командир

лодыря и грубияна посадить в карцер, чтобы сидел он там под стражей трое суток на хлебе и воде.

Вот кто сидит за решеткой под замком! Вот кого сторожит суровый часовой с винтовкой!

Моряков наших спустили на берег. Поехали они смотреть заграничный город, как там у них жизнь идет. Побывали моряки в музеях и в кино. А грубиян сидит запертый в карцере.

Вот уже давно ушел корабль из иностранного порта. Второй день плывет он в море. А лодырю еще сутки сидеть в карцере. И никто его не жалеет.

Прошло три дня. Приказал командир выпустить лодыря. Вышел он небритый, нечесаный, людям в глаза стыдно смотреть. Да и все сами от него отворачиваются. Не хочется и глядеть на такого.

Только наш кочегар подошел к нему и положил руку на плечо. Тот хотел было плечо отвести:

— Пусти...

Но у кочегара нашего рука — как лапа у якоря: прихватит, так не вывернешься.

— Не пушу! Стой! Идем, друг, потолкуем.

Сели они на палубе в сторонке от всех, стали толковать.

— Ну как? — спрашивает кочегар. — Есть у тебя совесть?

Молчит.

— Может, ты свою совесть дома оставил?

Опять молчит.

— А дети у тебя есть?

— Есть, — тихо отвечает тот.

— Сын или дочка?

— Сын и дочка, — говорит, — двойняшки.

— Видишь, — говорит тогда ему кочегар: — сын и дочь у тебя. Значит, есть у тебя дома своя честь, своя совесть. Вот у меня тоже сынишка есть. Только я вот домой вернусь с честью. Моему сыну завидовать будут. А ты с чем домой придешь? Что твои ребята друзьям-товарищам скажут? Спросят их: чьи вы дети? А что им отвечать? „Лентяевы мы, лодыря сын и дочка, грубияновы дети!“

Вскочил тот, ударил кулаком по поручням:

— Не смей такое говорить! Детей не трогай.

А кочегар ему в ответ:

— Да я бы тебе рад хорошее сказать, браток, да не за что. Подвел ты и меня. Я за тебя ручался перед командиром. И ведь ты не только себя и меня — всех нас опозорил. С берега грузчики были. И видели все твое некрасивое поведение. А ведь нашу страну везде уважают. Нашему советскому военно-морскому флагу все флаги салютуют. А ты под

этим флагом безобразие творишь. Допустимое ли это дело? Подумай, где твоя гордость! Ты ж советский моряк. На наш флаг весь мир смотрит. Мы должны всем народам пример подавать. Моряки Сталина мы. Ты за нашу честь перед всем народом ответчик, когда в чужом море и на чужом берегу ходишь.

Помолчал кочегар, посмотрел на своего подручного. А тот вынул из кармана карточку — на ней мальчик с девочкой: двой-

няшки, одно лицо. Посмотрел, вздохнул и обратно в карман положил.

— погоди, — говорит кочегар, — ты карточку не прячь, ты себе так реши: честь моя при мне, на корабле, на флаге нашем. А совесть я хоть и дома забыл, да она меня помнит. Там у меня дома, скажи, два моих часовых живут. День и ночь про меня думают, день и ночь мою совесть сторожат, никому слова худого про меня сказать не дадут. Должен, значит, и я свою морскую честь беречь, сам при своей совести день и ночь на часах стоять. Реши так, и все будет хорошо. Вернешься домой со славой. Ну, браток, решай!

Вскинул подручный глаза на кочегара.

— Ты, — говорит, — меня прости: больше такого не будет. Обещаю. Только когда домой вернем-

ся, не говори моим ребятам, что я под замком сидел.

— Добро! Помни наш уговор, а старое забудем. Тут на ужин засвистали.

— Совестно мне итти, — говорит подручный.

— Это хорошо, что совестно. Раньше в тебе стыда не было. А ты все-таки пойди, поесть надо как следует. Скоро нам с тобой на вахту заступать.

И с того дня переменился человек. Аккуратный стал моряк, исправный во всем. Койка в кубрике всегда прибрана. Тельняшка постирана. На аврал сам первый выходит. Работает безустали. И морская болезнь прошла. Кочегар на него не нахвалится. „Погодите, — говорит, — то ли еще будет!“

— Что с ним такое? — удивляются моряки.

— А он сам теперь себя под стражей держит, — отвечает кочегар.

— Как так?

— Двое часовых у него день и ночь стоят не сменяясь.

— Что за часовые?

— Честь наша морская да совесть наша кровная, — отвечает кочегар. — Честь и совесть!

МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ

Кто первым на корабле узнает все новости на свете? Кто раньше всех слышит, где какая погода, сколько градусов жары в Африке, какой мороз за Северным Полярным кругом, о чем говорили министры за границей, сколько людей осталось без работы в Америке и кто выиграл вчера в Москве — „Спартак“ или „Динамо“?

Кто все узнает самым первым?

Ну конечно, радист, веселый радист, любознательный радист. Добрый у него нрав, хороший

слух! Он сидит в своей маленькой каютке наверху. Голова радиста стиснута скобой с наушниками. Глаза у радиста открыты, но он ничего не видит, кроме своего аппарата. Уши у него закрыты черными чашечками, но зато слышат все на свете. Пальцы вертят рукоятки, нажимают на ключ аппарата. И корабельный наш радист говорит со всем белым светом. Москву слышит он и Одессу, Севастополь и Париж. То примет сигнал с парохода, что плывет у берегов Южной Америки, то запишет приказ командиру корабля из Москвы. А подконец передаст привет знакомой москвичке-радикте.

„Ти-ти-ти, та-та-та, — поют, пищат, стрекочут далекие сигналы в его маленькой каюте, — по-по-по, па-па-па!.. Ту-ту-ту, тэ-тэ-тэ!“

И каждого, с кем разговаривает наш корабельный радист, он знает по звуку, по почерку, по голосу. Вот этот тихий, медленный, упрямый — это Лондон. Этот быстрый, бойкий, тоненький — Одесса. А громкий, ровный, густой — наша Москва.

Когда плыл наш корабль в океане, первым услышал радист, что надвигается буря. Всем кораблям передали с берега по радио: „Берегитесь, шторм идет...“

Радист сейчас же доложил об этом командиру. Командир приказал готовиться к шторму. На корабле всё покрепче привязали канатами, привернули винтами. Люки толстым брезентом покрыли. Стали ждать бури.

И задул вскоре ветерок. Заиграло море. Сперва белые барашки по нему побежали. Потом стали накатывать волны побольше. Мчатся они по морю ряд за рядом в атаку, сверкая на солнце, словно

всадники-рыцари, закованные в серебро и зеленую медь; на шлемах — белые султаны из пены, а сзади синие плащи стелются...

Скоро зашло солнце, почернело море, а пена еще белее стала. Большие валы бредут, как сердитые старики-великаны. Идут, горбятся, грозятся, мотают седой кудлатой головой и валятся ничком на корабль.

А вот уже и не великаны, а целые водяные горы движутся. И с вершин их рушится пена, словно снежная лавина. Шторм в море.

Корабль стало швырять, заливать с трубой. По всему кораблю колючие сквозняки забегали. Каждая снасть по-своему воет, каждый винтик по-особому скрипит, через всякую щелочку вода сочится.

Сидит радист в своей каюте, уцепился за стол руками. Чуть его из кресла не выкидывает. Но радист знай себе слушает: „Ти-ти-ти, та-та-та! Пе-пе-пе... Па-па-па...“

Переговариваются в море корабли. А где-то, слышно, музыка играет. Должно быть, на далеком берегу, где под ногами твердая земля, и прочные стены вокруг, и спокойная крыша над головой.

Вдруг услышал радист далекий, очень тихий сигнал. Сперва даже ушам своим не поверил. „Показалось“, думает. Потом зубы стиснул, глаза зажмурил, не дышит. Нет, верно, не ошибся!..

„Тью-тью-тью!.. Тии-тии-тии!.. Тью-тью-тью!“ Сразу узнал радист этот сигнал. Таким голосом только беда на море говорит, смертная беда. Три точки, три тире, три точки! Это значит: „Спасите наши души!“

И стало сразу тихо в наушниках радиста. Замолчали все корабли в море, все станции на берегу. Слушают.

И наш радист слушает.

И слышит он: просит помощи какой-то иностранный корабль. Волной сломало у него руль. Стала на корабле машина. Буря гонит пароход на скалы. А на пароходе много пассажиров — дети там, женщины. Погибнут они. В такую бурю никому не спастись, если корабль ударит о скалы.

Схватил радист карандаш, все записал и побежал доложить командиру. Командир уже с утра с мостика не сходит. Стоит около рулевого. В море вглядывается. Из мохнатых туч луна показалась. Море вокруг черное с белым, полосатое, как табун диких зебр. Ржет море, лягается бешено и на дыбы встает. Волны мостик заливают. А чуть стихнет ветер, и слышно, как в каюте у радиста то-ненько и жалостливо зовет сигнал: „Тью-тью-тью!.. Тии-тии-тии! Тью-тью-тью!..“ „Спасите наши души!“

Выслушал командир радиста, прочел все, посмотрел в море, задумался. Спросил штурмана:

— Где их место? Дайте карту!

Нашли на карте место, где пароход по-

гибает. Опасное место. Скалы кругом. Подводные камни. Тут и в тихую погоду днем напороться можно. А в бурю и ночью совсем гибель.

— Да-а-а, — сказал командир, — тяжелая задача! Интересно, кто нас спасать будет, если сами на скалы сядем! А все-таки людей в беде наши моряки не бросают. Этого нам характер не позволяет. Будем спасать!

Объявили аврал на корабле. Все наверх!

Подсчитали штурманы, сколько времени итти до того места, где иностранный пароход бедствует. Приказал командир прибавить ходу. А радист побежал в свою каюту, нахлобучил наушники, застучал ключом аппарата: „Держитесь, идем на помощь!“

А того парохода уже не слышно. Наверное, водой машину заливает, радио повредило у них.

Когда уже стало чуточку светать, закричали с мостика сигнальщики, что видят огни парохода. Скоро подошли поближе. Стало теперь видно, что болтается на огромных волнах большой пассажирский пароход. И несет его прямо на камни, на острые скалы. Море кругом кипит, бьется о камни. Во-время поспел наш корабль. Через полчаса уже поздно было бы. А на палубе парохода люди толпятся, кричат что-то, машут шапками. Рады, конечно, что спасать их пришли.

Только как тут спасти?! Подойти близко нельзя — может волна корабли друг о друга стукнуть. Шлюпку спускать в такую погоду — гиблое дело. Захлестнет, опрокинет, разобьет. Решили тогда погибающий пароход брать на буксир — зацепить его толстым канатом и тянуть за собой в открытое море,

подальше от скал. А как туда, на пароход, тяжелый канат подать? Близко же подойти нельзя...

Стали наши матросы легости бросать. На конце длинной веревки — мешочек с песком либо гирька обмотанная. Сложит матрос веревку кольцами, раскрутит ее над головой и с размаху бросает. Летит легость, словно змея с тяжелой головкой.

Только никак матросы легость на тот пароход не добrosят. Далеко слишком.

Вызвался наш кочегар. Взял легость, раскрутил, бросил.

Нет, не долетела...

А корабль наш волнами заливаает. Того и гляди, людей с палубы смоеет. Трудно бросать.

Тогда вдруг говорит подручный кочегара. Рослый, но с виду ленивый парень, тот самый, что прежде плохим моряком считался, в карцере сидел под стражей и только недавно исправляться стал. Всегда он молчал, никогда первым ни с кем не заговаривал, а тут сам вызвался.

— Дайте мне, — говорит, — может, я тут пригожусь.

— Куда тебе! — отмахиваются от него матросы.

— А мы с братом, — говорит, — раньше лесорубами были, до войны, плоты вязали, сосны валили. На самую высокую я веревку с петлей закидывал, и без промаху.

— Дайте ему, — просит кочегар.

Дали парню легость.

Взял он веревку, примерился, стал на самый край борта.

Волна корабль бьет, кочегар подручного держит

за ноги. А тот размахнулся, выгнулся весь, да как пустит легость!

Взвилась она над волнами, будто черная ракета, и пала сверху на палубу того парохода.

Поймали ее там матросы, стали к себе тянуть.

А к другому концу веревки наши моряки привязали толстый трос — канат из стальной проволоки.

Подтянули матросы иностранного парохода стальной канат к себе на палубу, обмотали им там толстую железную тумбу. Стал наш корабль тащить за собой пароход.

Натянулся стальной канат, задрожал.

Но у воды в море страшная сила. Налетела волна — и лопнул канат с густым звоном, словно струна...

Ударило стальным концом младшего кочегара.

Упал он без памяти. Чуть его за борт волной

не смыло. Кинулся наш кочегар своего помощника спасать.

А тот уж очнулся. Правая рука вся в кровь изодрана.

— Надо, — говорит, — канат потолще подать раза в четыре!.. Давай легость, еще брошу.

— У тебя же рука не годится, — говорят ему.

— А я, — говорит, — левша.

Взял он в левую руку легость. Только хотел размахнуться, да тут закричал боцман: „Ложись!“ И все бросились на палубу. Накрыло корабль тяжелой волной. Еле удержались люди на палубе. Встал помощник кочегара, встряхнулся, полез на край борта.

— Берегись! — кричат ему. — Куда ты?

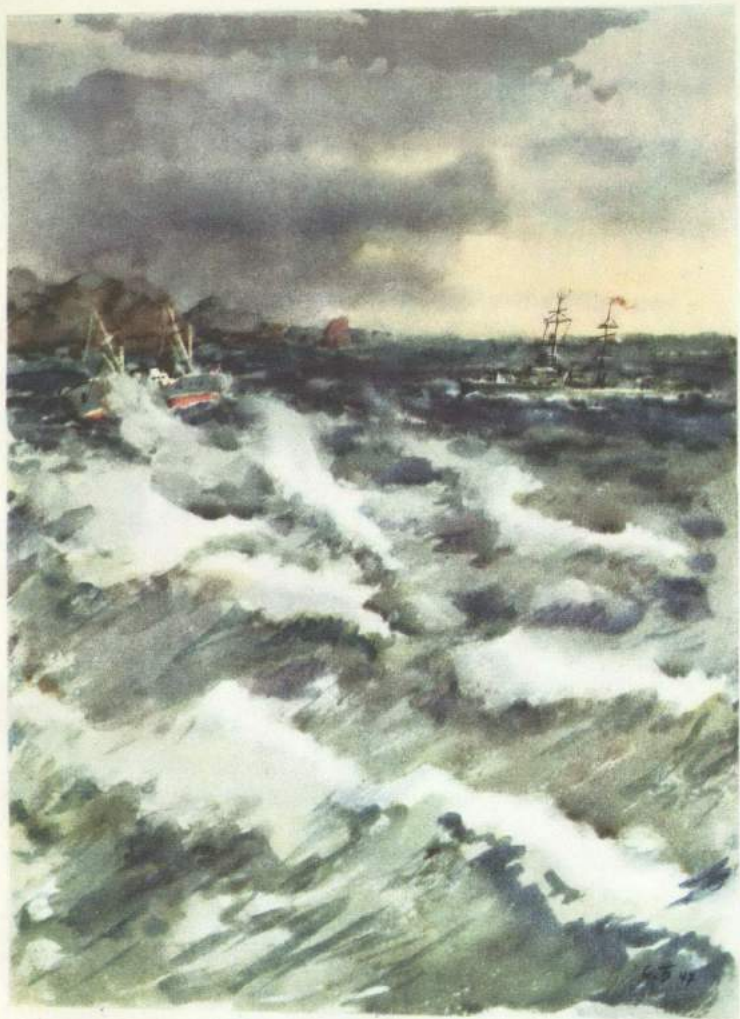
А он отвечает:

— Ничего, мы лесорубы, нам привычно: на плотках еще и не так приходилось... А там детишки вон, гляди. Жалко... Надо в себе совесть иметь.

И пустил опять легость с размаху левой рукой.

Скоро подали на иностранный пароход толстый шестидюймовый канат. Наш корабль взял пароход на буксир и медленно повел его в открытый океан. Долго он вел его за собой. За это время на пароходе механики руль починили, машину исправили. А тут и море успокоилось. И капитан иностранного парохода приехал на шлюпке, чтобы поблагодарить командира нашего корабля за спасение. Спрашивает иностранный капитан:

— А что это за силач у вас такой и смельчак, что в эдакую бурю, стоя на краю борта, до нас трос добросил? Наверное, он чемпион?

Показали иностранному капитану младшего кочегара. Хотел ему капитан руку пожать, а рука у того забинтована. А наши матросы ему подсказывают: „Раз ты левша, ничего, жми левой“.

Ну, пожал парень своей левой иностранному капитану руку. Да, видно, перестарался — капитан даже поморщился и после долго тихонько пальцы тер. А потом пригласил нашего командира в гости на иностранный корабль. Взял командир с собой штурмана, кочегара и трех матросов. Отправились наши.

Встретили их на пароходе с музыкой. Пассажиры все на палубу выбежали, шляпами машут, руки жмут, обнимают, целуют. В ладоши хлопают. Некоторые даже стали деньги, подарки предлагать за спасение. Ну, наши, конечно, ничего не берут. Спасибо, мол, нам ничего не надо. Мы вас не за деньги спасали. Просто у нас такое воспитание. Нам характер иначе не позволяет.

Показали нашим морякам иностранный пароход. Большой корабль, красивый. Восемь этажей. Рестораны, магазины, сады на палубах. Музыка играет. Целый город на воде, а не пароход. Собрались наши моряки на нижнюю палубу заглянуть, но капитан их туда пустить не захотел.

— Вниз, — говорит, — не ходите, там вам не интересно будет. Вы люди белые, а там разноцветный народ едет. Ну, словом, негры, китайцы. У нас их наверх не пускают.

— Ну, а белых вы куда пускаете? — спрашивает наш командир.

— Белый человек куда угодно на корабле итти может, — отвечает иностранный капитан.

— Ну, вот и пустите нас тогда вниз, — требует наш командир.

Пришлось им пустить наших моряков вниз.

А там грязь, духота, копоть — дышать нечем. В матросском кубрике мусор, койки узкие, теснота.

— Грязно живете, — говорит наш кочегар иностранным матросам.

А старый механик иностранного парохода тихонько говорит нашему кочегару:

— А почему машина стала у нас в бурю? Да потому, что старая машина, ее надо чинить давно было либо новую ставить. А хозяин вместо этого ресторан велел украшать. Пальмы купил, ковры да мягкие диванчики.

— Одним словом, — говорит ему наш кочегар, — стелили мягко, а вышло жестко, на подводных камнях-то!

Вернулись наши моряки к себе на корабль. „Да, — говорят, — красота у них, видать, только поверху пущена, а внизу-то жизнь незавидная...“

Погудели друг другу на прощанье корабли и разошлись в разные стороны.

С иностранного парохода долго еще махали шляпами спасенные пассажиры.

А вечером радист услышал, как радиостанции стали передавать: „Советские моряки спасли пассажирский пароход...“

Услышал это радист на французском языке, услышал на итальянском. Сказали про то чехи и норвежцы. Заговорили об этом другие станции. И долго еще твердили в разных уголках мира на разных языках о славном поступке наших моряков.

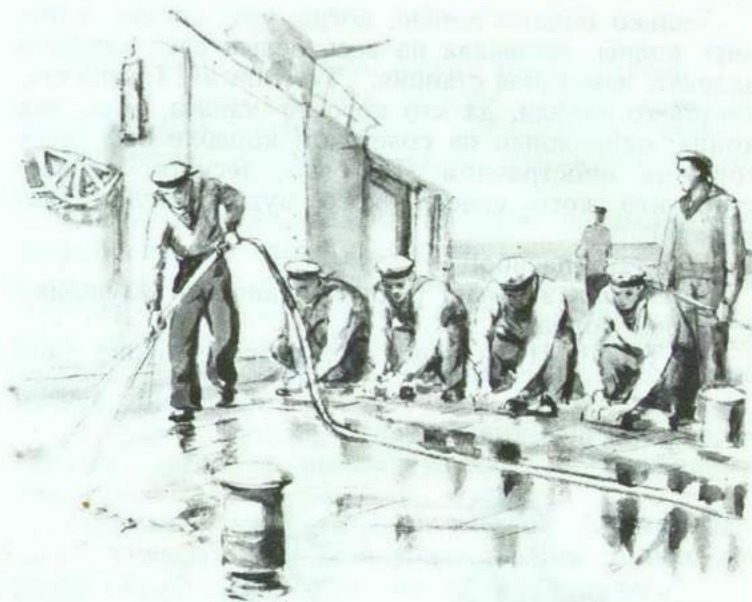
Только поздно ночью, когда уже совсем улеглись волны, затаякала на весь белый свет какая-то далекая, заморская станция. „Тяв-тяв-тяв! Так-то так, тянуть-то тянули, да кто кого? У каната, мол, два конца: один конец на советском корабле был, другой — на иностранном. Так что, дескать, неизвестно, кто кого спасал, кого куда тянули. Тяв-тяв-тяв!“

Вот так спасибо!

Послушал это наш радист, плюнул и наушники с головы содрал:

— Тьфу!.. Ну и врут же, спасите наши уши!

ПРАЗДНИК НА КОРАБЛЕ

К празднику Первого мая объявили на корабле большую приборку. Три дня мыли, три дня чистили всё на корабле. Медяшку шкурками терли. Палубу скребками скоблили. Так она заблестела, хоть языком ее лижи — чисто!

За борт на веревках спустили доски, на досках маляры устроились. Корабль качается на волне, а маляры висят над водой и кисточками борт закрашивают — где какое-нибудь пятнышко или ржавчину

заметили. Засверкало все на корабле, стал корабль как новенький.

Да и моряки сами приготавились. Тельняшки свои полосатые постирали, рубахи-голландки и брюки клёш выгладили. Потому что хоть и далеко, в океане, за десять морей от родины, корабль, а праздник встретить надо, как дома. Для моряка корабль и есть дом родной.

Первого мая с утра надели на корабле все праздничное. Подняли на мачты пестрые нарядные флаги. Повар-кок всем к завтраку сладкие пирожки испек.

Но глаженую рубаху надеть да сладкий пирожочек съесть — это еще не праздник. Праздник надо весело провести. А моряки наши не только воевать да корабли водить, но и повеселиться мастера.

Решили на корабле концерт устроить.

Тут у каждого свой талант нашелся. У боцмана голос оказался — густой, чистый бас. А у сигнальщика одного — тонкий тенор. Радист к празднику

стихи сочинил, механик стенгазету нарисовал. Повар-кок свой баян заветный вынул. Доктор гитару настроил, парикмахер четыре гвоздя в подметку забил, чтобы чечотку громче отбивать да и подметки чтоб не пострадали.

Один только кочегар ничего не обещал.

— Куда ж мне, — говорит, — соваться, раз такие у нас на корабле артисты завелись!

Днем радист по радио Москву поймал, всем дал послушать. Тихо было на корабле, и слышно было каждому, как бьют часы на кремлевской башне в Москве и цокают копыта — выезжает на коне маршал на Красную площадь — и войска на параде кричат „ура“.

И каждый, кто слышал это, думал про свой дом, про далекую Москву.

Каждый думал про Сталина — как стоит он на трибуне ленинского мавзолея и смотрит на войска. А там, наверное, и моряки идут...

А к вечеру, когда солнце село в море и уже спустили на корабле флаг, собрались все на шлюпочной палубе. Кто на мачту залез, кто на шлюпке уселся. Пришел сам командир в парадной форме, при всех орденах, в белом воротничке, с золотыми нашивками на рукавах.

Поздравил всех с праздником, поблагодарил за хорошую службу.

— Служим Советскому Союзу! — дружно отвечали моряки.

И такое громкое русское „ура“ понеслось над чужим, далеким морем, что чайка, сидевшая на мачте, сорвалась с нее и полетела куда-то за океан.

А один дельфин с перепугу выскочил из воды. И пошло на корабле веселье. Боцман с сигнальщиком песню спели. Один густым голосом, другой — тонким. Доктор с коком на баяне и гитаре сыграли. Парикмахер чечотку отбил; ему и гвозди не помогли — отлетела подметка. Один только кочегар не участвовал.

— Ты что, обиделся, что ли? Спел бы... — спросил его радист.

Он сочинил веселые стихи про кочегара и написал их в стенгазете. А механик нарисовал под стихами, как кочегар лопату с углем акуле в пасть сует, а из акулы дым валит.

— Да чего же мне обижаться, — тихо отвечает кочегар. — Не умею я петь, братцы, неспособный. Ну, может быть, разве сплясать, что ли?..

Вышел он нехотя в круг, постоял минутку, да как топнул, да присвистнул, так сразу все и затих-

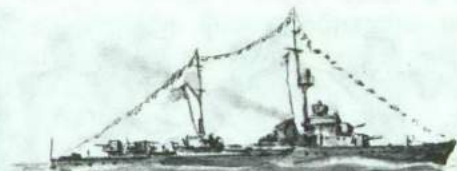
ли, только повар-кок за баян схватился да доктор гитару вскинул.

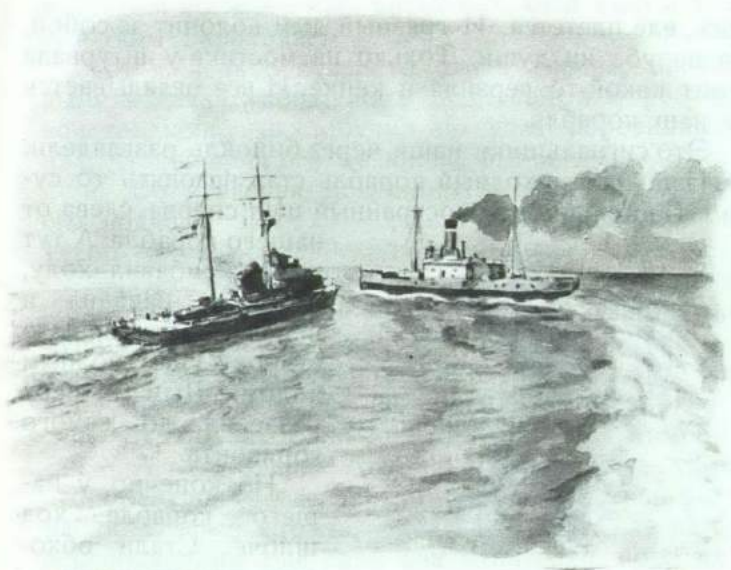
И пошел кочегар... То вприсядку, то вприскок-ку, то по кругу, то волчком...

Стук-бряк, бряк-стук!
Бьет о палубу каблук.
Бряк-стук, стук-бряк!
Веселей, моряк!
Веселей ходи,
Да не упади!

Сам свистит, и ветер ему в снастях подсвистывает. Пляшет сам, и весь корабль под ним на волне ходуном ходит. По кругу несется кочегар, и чайки морские над ним кружат. Бьют в ладоши матросы, и на мачте флаги хлопают.

Вот как у нас встречают праздник на корабле!

НА МОРСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

Есть в океане морские перекрестки, где сходятся большие корабельные дороги, по которым плывут суда из разных стран. Тут плыть надо осторожно. Много кораблей встречается на пути. А встречи всякие бывают в море — и хорошие и плохие. В дальнем походе моряк должен быть готов ко всему.

Подходил наш корабль в океане к такому перекрестку корабельных дорог.

Днем еще моряки заметили впереди иностранное судно. Старое, кособокое, на один борт привали-

лось, еле плетется. И грязный дым волочит за собой. На палубе ни души. Только на мостике у штурвала стоит какой-то верзила в кепке. И все оглядывается на наш корабль.

Это сигнальщики наши через бинокль разглядели.

Наш быстроходный корабль стал нагонять то судно. Пароходишка иностранный шел сперва слева от

нашего корабля. А тут вдруг прибавил ходу, надымил, начал и перешел на правую сторону. Идет полным ходом. Дым в небе развесил до самого горизонта.

Но, конечно, у нашего корабля ход шибче. Стали обходить пароходишку.

Вот уже почти поровнялись с ним.

Вдруг... Что такое?

Не дав никакого сигнала, пароходишка стал сворачивать круто влево, пошел нашему кораблю наперерез и загородил ему своим бортом дорогу.

А наш корабль шел полным ходом. Хорошо, что командир успел все заметить. Он давно уже приглядывался к пароходишке. И не сходил с мостика. Вперед-смотрящие даже крикнуть не успели, как услышали механики звонок и голос командира:

— Стоп машина! Полный назад! Лево руля!

Зарботала машина задним ходом. Вскипела вода за кормой от винта.

А до парохода уже рукой подать. Еще бы ми-

нутка — и врезался наш корабль с хода носом в левый борт парохода.

Тот живенько отвернул опять вправо, напустил дыму и давай улепетывать подальше в море. Рулевой там кепку нахлобучил по уши, воротник поднял, чтобы лица его не видно было.

— Вот грязная посудина, корыто битое, чтоб его водяные забрали! — стали браниться моряки. — Тесно ему в море! Ослеп он, что ли?

— Нет, товарищи, — объясняет морякам старший артиллерист, бывалый офицер, самый старший коммунист на корабле, — нет, товарищи, очи у него видят. Он даже чересчур зрячий: то видит, что честному моряку и во сне не привидится.

— А что такое? В чем дело? Что за номер?

— А тот номер, — говорит артиллерист, — что все это он нарочно сделал. Есть такие иностранные корабли. Старые корыта, дырявая посуда, еле на воде держатся. Они уже свой век отплавали, пора их на слом. Так хозяева их вот какие номера делают. Нарочно подставляют свои пароходишки под чужие корабли. Такой пароходишка чуть стукнешь, он сразу на дно пойдет. Ну, людей с него спасут. А хозяин на нас потом в суд подаст. Караул, дескать! Русские большевики мирный иностранный пароход потопили. Пусть за это хозяину деньги платят. Вы видали — он сперва слева от нас шел, потом направо перевалил, чтобы оттуда нам свой левый борт подставить. Потому что по морским законам за левый борт строже судят. Полагается по закону дорогу уступать, если корабль идет к тебе левым бортом. А он закон знает, мошенник! Такому пароходишке грош цена, а с нас, если б мы его стукнули, кучу

денег — сотни тысяч золотых рублей за него бы содрали. Да еще шуму и позору бы наделали на весь белый свет...

— Хитрое дело, — говорит наш кочегар. — Это он, стало быть, с нами хотел в шашки-поддавки сыграть. Это, как в поддавки, выходит: кто чужую шашку побьет, тот проиграл. А у кого ничего не останется, тот в выигрыше. Да, братки, вот как надо в чужих морях плыть осторожно!

Поглядели моряки вслед удиравшему пароходишке. Покачали головами.

Да, плавание, конечно, мирное. Войны нигде нет сегодня, но много еще всякой дряни на свете, товарищи!

Кочегар, держи пар на марке!

Вперед-смотрящие, гляди в оба!

Радист, наставь ухо востро!

Сигнальщики, посматривай, что с берега пишут!

Рулевой, не зевай по сторонам — так держать!

ЛЕНИНСКАЯ КАЮТА

Было на корабле сорок пять коммунистов. Собрались они раз вечером в большой каюте на носу.

На корабле у каждого места, у каждого уголка свое назначение имеется. Есть каюта командира, есть машинное отделение, есть кубрик, где матросы живут, есть рубка штурманская, где карты лежат, по которым кораблю дорогу рассчитывают, есть склады всякие, мастерские. А эта каюта особая. Висят в этой каюте красивые картины, лежат на столе газеты, книги и стоит в каюте большой бюст Ленина. Так и зовется эта каюта: Ленинская. Вот и собрались вечером в Ленинской каюте сорок пять коммунистов корабля на партийное собрание. При-

шли сюда и другие моряки — все, кто в тот час свободен был от вахты.

Сели все на свои места. Один только наш кочегар не садится, стоит у двери.

— Садись, — говорят ему, — что стоишь, как мачта.

— Не могу я сидеть, — отвечает кочегар, — душа у меня не на месте.

— Душа — другое дело. Где ей быть положено, никто не знает, — говорят ему. — А сам бы ты лучше на место сел.

— Не могу, тревожусь.

— Сколько по морям плавал, в каких боях бывал — не тревожился, а сегодня вдруг начал?

— И по морям плавал и в боях бывал, а сегодня вот начал, — говорит кочегар, — потому что для меня сегодня день совершенно особенный, такого еще в жизни у меня не бывало.

Тут зазвонил в колокольчик офицер-артиллерист, самый старший коммунист на корабле, приказал прекратить разговоры. Тихо стало в Ленинской каюте. И сказал артиллерист:

— Мы, товарищи, сегодня в море, далеко от родины, принимаем в партию коммунистов-большевиков молодого моряка, нашего кочегара. Был он когда-то пионером, вырос комсомольцем, а теперь в походе подал заявление, чтобы приняли его в нашу партию. Кто хочет сказать об этом товарище?

Встал один пожилой матрос. Говорит:

— Что же, парень подходящий, верный товарищ и в бою и в работе.

Встал второй:

— Верно, — говорит, — и воевал хорошо и на вахте стоит аккуратно. И газеты прилежно читает.

Говорит боцман:

— Надежный моряк при всякой погоде. В море не укачивается, на берегу без дела не ходит.

Сказал сам командир:

— Правильно! Молодой моряк, а уже опытный. Служит советскому флоту хорошо. Кто в шторм на мачту лазил, когда флаг у нас сорвало? Он! Кто в жаркую топку первый пробрался, когда трубка лопнула? Он! Кто нам из матроса-неуча помог человека воспитать? Он! Такого принять следует.

— Да и я считаю, — говорит артиллерист, — что выйдет из него хороший, настоящий коммунист. Что нам Ленин завещал, чему нас Сталин учит? Тому учит, что коммунист всегда и везде, в бою и на работе — впереди других. Дома и в чужих краях — Родине верный сын. Сам должен служить народу на совесть и других за собой вести!

— Обещаю, — тихо проговорил наш кочегар. И все моряки подняли за него руки.

Было на корабле сорок пять коммунистов. Стало на корабле коммунистов сорок шесть.

ДОМОЙ!

На прошлой неделе еще километров с тысячу до родного берега оставалось. Вчера еще наш корабль был далеко в море, за сотни километров от своей земли. А сегодня уже близок берег и хорошо видно его с борта. Еще с десяток километров проплыть — и дома!

Все на корабле почистились, побрились. Чистые форменки надели, голубые воротники, брюки клёш —

все, как надо. Кочегар из сундучка свой гостинчик сыну вынул — заморскую лодочку с парусом.

А вдали уж знакомый маяк показался. Вот он, родной черноморский порт, знакомая гавань, где бились наши моряки во время войны с немцами, где горело все огнем и огнем на огонь отвечало.

Глядят моряки на родные места и не наглядятся. Сколько заморских стран повидали, но нет краше места на свете, чем та земля, по которой ты маленьким ходить учился! Где ты всему хозяин, где твой дом стоит. Где на родном твоём языке каждый человек скажет тебе: „Товарищ!“

Здравствуйте же, товарищи!

Навстречу кораблю из гавани флот выходит. Идут крейсера и миноносцы. Катера к нашему кораблю спешат. На кораблях музыка играет. На палубах матросы выстроились. Кувыркаются бескозырки над строем, летят вверх, только ленточки плещутся.

На всех мачтах пестрые флажки-сигналы: „С благополучным прибытием!“

Бьют с кораблей пушки. Салютом встречает военный флот моряков, вернувшихся из дальнего плавания.

Стоит на мостике в парадной форме наш командир. Руку приложил к козырьку белой фуражки с золотым гербом.

И стоят на полубаке военным строем все офицеры и матросы. И кок тут, и кочегар с помощником, и радист — все наши братки-товарищи.

Подлетел к кораблю нарядный адмиральский катер. Весь на солнце красным лаком играет. Ме-

дешка на нем огнем горит, а за кормой военный морской флаг развевается.

Спустили с корабля парадный трап — лестницу.

— Смирно! — скомандовал командир.

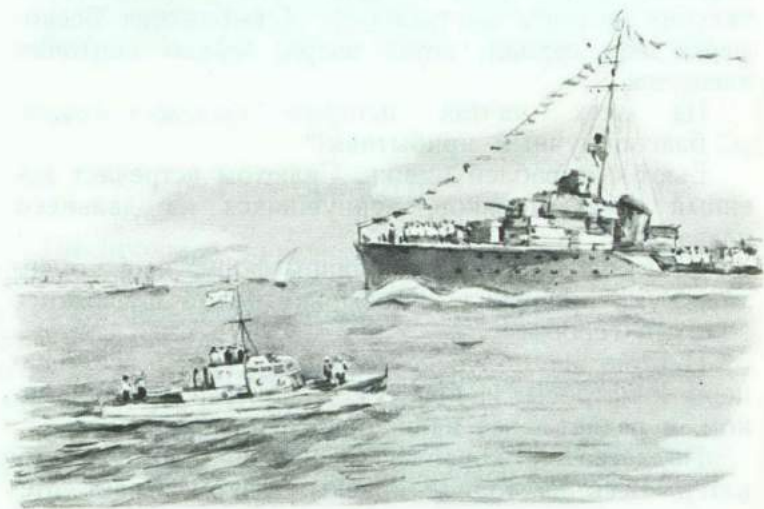
Замерли все на корабле.

Поднялся по трапу на палубу сам командующий флотом. Командир ему отдал рапорт. Поздравил адмирал всех моряков с окончанием похода, похвалил за усердие, за службу и порядок.

— Служим Советскому Союзу! — дружно грянули в ответ моряки.

И знакомое эхо отозвалось им с гор.

А корабль совсем уже близко к берегу подошел. Вчера еще сотни километров до дому плыть надо было. Сегодня утром только показался свой берег

за морем. А сейчас уж земля совсем рядом. Метров пять до нее...

Вот уже только узенькая щелка осталась между бортом корабля и каменной стенкой, где причаливают.

И уж протянуты канаты на берег, словно корабль скорее хочет дотронуться до родной земли.

Закипела между бортом и берегом вода.

Вздрогнул корабль.

И все дух перевели.

Коснулся наш корабль родного берега.

А на берегу жены, детишки, товарищи, матери собрались встречать моряков. Командир разрешил на берег сойти всем, кроме тех, кто на вахте стоял.

Еще с борта увидел наш кочегар свою жену с сынишкой. Бросился к ним, жену обнял, сынишку на руки вскинул.

И кругом него все обнимаются, целуются.

Помощника кочегара тоже жена с дочкой и сыном встретили. Повисли детишки у него на крутых плечах. А он украдкой на старшего кочегара поглядывает: не скажет ли тот чего плохого про старое? А наш кочегар ему подмигивает:

— Полный порядок, браток! И честь и совесть —

все на месте! Расскажи ребятам, как ты на скалах в шторм иностранный пароход на буксир брал!

Тот только отмахивается. Засмутился.

А сам кочегар уже отдал сынишке гостинец, о котором в письме писал. Мальчишка взял лодочку в руки — так и задрожал. Дивятся все. Вот так лодочка! Палуба наборная, на лакированной мачте белый парус. Серебряный якорек на цепочке. По крутому зеленому борту сверху медяшка пущена. Нос тюльпаном, спереди выведены золотые стрелочки. Это вот работа, заморская штучка! Чисто сделана! И поплыла нарядная лодочка, словно по морю, с рук на руки, как с волны на волну. А сынишка кочегара так по кругу за лодочкой и ходит: ломают еще...

Вернулась лодочка на руки сынишке. Прижал он ее к себе. И вдруг спрашивает:

— А почему тут написано „Одесса“?

— Какая-токая „Одесса“? — говорит кочегар. — Где ты тут „Одессу“ увидел?

— А вот тут, на донышке.

Глянул кочегар, зарумянился. За ухом чешет, под ленточками, бескозырку на нос сдвинул. Видит: верно, написано снизу на заморской лодочке тонкими золотыми буквами: „Город Одесса. Корабельный мастер Еремей Сидоркин“.

— История с географией, — говорит кочегар. — Это, значит, я того человека не понял, что мне эту лодочку подарил. А он мне все толковал что-то по-своему: „Русс, русс...“ И на лодочку показывал. Значит, из нашей Одессы ее за море туда завезли. Выходит, нашей это работы лодочка. Полсвета обошла, за морем побывала и домой вернулась...

Смеются вокруг люди. Хвалят работу одесского мастера.

Двинулся кочегар домой. Сынишка рядом, держится за руку. Жена к плечу щекой припала.

А солнце сверху на них смотрит. Море позади синим-синё.

На кораблях — музыка. Над головой — цветные флаги. А под ногами — твердая, своя собственная земля.

Вчера она еще за морем была. А сейчас тут, под ногами.

И море теперь уже за спиной голубеет.

Конец похода!

Пошел моряк в отпуск.

СОДЕРЖАНИЕ

На флаг — смирно!	4	Моряки Сталина	51
Морская азбука	11	Письмо с иностранной мар-	
Полный вперед!	15	кой	56
Так держать!	20	Под стражей	59
Вперед-смотрящие	26	Море волнуется	66
Встреча в океане	32	Праздник на корабле	78
Что на обед?	36	На морском перекрестке	83
Боевая тревога	40	Ленинская каюта	87
Разговор на полубаке	44	Домой!	90

*Издательство просит отзывы об этой книге присылать
по адресу: Москва, М. Черкасский пер., д. 1, Детгиз.*

Для младшего возраста

Ответственный редактор Л. Гузьбинская. Художественный редактор Б. Дехтерев.
Технический редактор Р. Крайцова. Корректоры А. Вранич и Е. Вильтер.
Слано в набор 10/II 1948 г. Подписано к печати 15/VI 1948 г. 12 л. д. + 6 вкл.сек.
(9,86 уч.-изд. л.). 11 900 экз. в печ. л. Тираж 45 000 экз. А05621. Заказ № 18.
Цена 7 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиз, Москва, Сушевский вал, 49.

Прое. 1981

1213

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Цена 7 р. 50 к.

